Лягушка Баскервилей

Автор:
Дарья Донцова

Лягушка Баскервилей

Дарья Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #29

Что можно подумать, встретив вдруг на улице Москвы, пусть и жарким летом, бегущую босую женщину? Первая мысль – она сумасшедшая. Вторая – не преступница ли? Последняя версия – в яблочко! Однако есть одна маленькая оговорка: Розалия Майкова пока только подозреваемая. Правда, не в чем-нибудь, а в убийстве. И бежит она из милиции, умудрившись скрыться во время допроса. А за ней по пятам, расследуя смерть мужа беглянки, идет любительница частного сыска Даша Васильева. Кстати, на сей раз не по собственному желанию! Дашу попросил о помощи полковник Дегтярев. Она и помогла… бежать Розе. Ох, что теперь будет?! Ужас! Даше явно не поздоровится! Ну, вперед, за работу, надо срочно найти Розалию, а заодно и других преступников и преступниц…

Дарья Донцова

Лягушка Баскервилей

Все события никогда не происходили в действительности. Имена, фамилии и названия фирм выдуманы, совпадения случайны.

Глава 1

Философ – это такой человек, который не хочет ничего делать конкретно.

Только не надо думать, что я непочтительно отношусь к ученым, просто мне кажется, если ты представитель сильного пола, то должен и вести себя соответствующим образом, но, увы, не всякий носящий брюки является мужчиной. Впрочем, кое-кто из парней теперь безо всякого стеснения надевает юбку, а большинство женщин позаимствовало у мужчин право носить традиционную пиджачную пару. К сожалению, вместе с этим правом мы получили и кое-что другое, от чего лично я предпочла бы отказаться: например, необходимость работать и думать о финансовом благополучии.

А еще теперь нередко в семье происходит смена ролей: муж как бы становится женой и наоборот. Вот у моей подружки Леси Караваевой именно такой вариант. Леська мотается по командировкам, дома она бывает от силы месяц в году. Караваева – пресс-секретарь одной из наших поп-див и вынуждена сопровождать звезду на гастроли. Певица капризна и истерична, пару раз Леське крепко доставалось от нее. Не морально – физически. Милое, очаровательное, белокурое существо с наивно распахнутыми глазами, сладкогласая птичка, выводящая на сцене нежные рулады, за кулисами превращается в плохо управляемое, ругающееся нецензурными словами существо. Дива обожает залить за воротник дорогой коньячок, понюхать некий белый порошок, а потом отправиться общаться с журналистами. Дело Леси схватить звезду за ту часть гардероба, которая вроде как считается юбкой, и удержать от неправильных поступков. Чаще всего Караваевой удается задушить скандал в зародыше, она, спрятав подальше хозяйку, сообщает представителям СМИ:

– Уж извините, ребятки, звезда устала, отработать концерт нелегко, не мучайте ее. Вот вам пресс-релиз, а в холле накрыт небольшой фуршет.

Но иногда разрулить ситуацию не получается, певица таки ухитряется удрать из поднадзорного гостиничного номера и заявляется, к общему изумлению, на пресс-конференцию. Заканчиваются подобные эскапады плохо, народная любимица живо выходит из себя, начинает орать, топать ногами, корреспонденты, впав в эйфорию, все записывают и фотографируют красавицу. Потом в газетах появляются уникальные снимки: Кармен (это сценический псевдоним звезды) пинает фаната, выливает воду на милиционера или, демонстрируя замечательную растяжку и полнейшее отсутствие нижнего белья,

пытается влезть в здоровенный джип.

Ясное дело, Кармен никто пальцем не грозит: пока звезда собирает залы и стадионы, ей позволительно все. Пинки достаются несчастной Караваевой. Леську, с одной стороны, лупит продюсер (не физически – морально), требуя организации «приличных» репортажей, с другой – на нее спускает собак звезда, недовольная своим внешним видом на фото, с третьей – телефон Караваевой обрывают репортеры, жаждущие новых встреч с Кармен. Я бы давно сошла с ума на такой работе, но Караваева привыкла. Более того, она часто восклицает:

– Боже, храни Кармен!

Отвязная певичка абсолютно не жадный человек, она платит Леське замечательную зарплату, а деньги Караваевой нужны позарез, потому что ее муж Леонид принадлежит к породе профессиональных мыслителей. Я не шучу, Леня на самом деле философ, именно это слово стоит у него в дипломе. На мой взгляд, как-то неудобно на вопрос: «Кем вы работаете?» – гордо отвечать: «Я – коллега Сократа», но Ленька не смущается. Он пишет трактат, название которого со стопроцентной точностью воспроизвести не смогу. Впрочем, Леськин супруг достаточно часто рассказывает о своем великом труде, поэтому тему опуса я знаю: исследование посвящено понятию долга у древних индейцев Амазонки. Вам не кажется, что подобная книга крайне актуальна в наши, не самые простые времена? Когда глобальная работа, которую Леня проводит вот уже почти пятнадцать лет, завершится, его труд, очевидно, издадут многомиллионным тиражом по всему миру, и Ленька сумеет купить Леське норку, а то бедная Караваева давно мечтает о новой шубке.

Почему моя подруга, имея неплохую зарплату, не может позволить себе купить манто? Есть простой ответ на заковыристый вопрос. Леська единственная, кто зарабатывает деньги в их семье, а ее ячейка общества состоит из пяти человек: сама Леська, Леня, его мама Глория Семеновна, младший сын дамы Олежка и супружница последнего Мариночка. Все, кроме Леси, люди творческие, ранимые, не способные переносить тяготы и лишения. Про Леню я уже рассказывала, Глория Семеновна на пенсии. В свое время дама служила в библиотеке, поэтому рента у нее сейчас копеечная. Олежек художник, он изредка пишет картины, а в основном устраивает перформансы. Ну, допустим, собирает энное количество человек, и те, раздевшись догола, ходят вокруг Музея изобразительных искусств, держа в руках пустые эмалированные кружки. Подобное шествие, проведенное буквально на днях, Олежек назвал «Чайная церемония».

Закончилась акция, как всегда, приводом всех участников в милицию. Ясное дело, денег Олежеку никто за подобные представления не платит, но, как говорит наш художник, искусство продавать нельзя, иначе оно превращается в товар и перестает быть трепетным.

Я уважаю чужие жизненные принципы, но Олежек непоследователен. Пропагандируя свободу от денег, следует ходить голым и питаться кузнечиками, а живописец любит вкусную еду, модную одежду и ложится спать отнюдь не на голую землю – укладывается в мягкую кровать, под хорошее одеяло, набитое пухом белого гуся. Обратите внимание, перинка из черного водоплавающего дешевле в два раза, но в ней попадаются толстые жесткие палочки. Уж не знаю, как они правильно называются, в прежние века при их помощи люди писали – заостряли кончик и макали в чернила. Бессребренику Олежеку совсем не все равно, чем укрываться, и он сто раз звонил Леське, покупавшей ему при моем участии одеяльце:

– Солнышко, смотри не ошибись, внимательно читай этикетку – только белый цвет!

Почему бы Олежеку самому не поехать в торговый центр? Ему делается плохо от запахов, духоты, толчеи… И еще: у мужчины просто нет денег, причем не только на перинку из гусиного пуха, но даже на скромный плед, произведенный ловкорукими вьетнамцами. Да что там покрывало! У Олежека, если Леся не выдаст ему ежемесячного содержания, не хватит даже на проезд в метро. Рубли напрочь отсутствуют и у его супруги Мариночки. Та пытается стать модельером, шьет невообразимые наряды из странных материалов – не так давно сконструировала костюмы из проволоки и с огромным трудом уговорила директора одного из клубов провести там показ. Народу, правда, в зал набилось немерено, в основном местные подростки мужского пола. Интерес детей к творчеству Маришки объяснялся крайне просто: изделия модельерши получились прозрачными, а две подружки нашей «Шанель», согласившиеся демонстрировать прикиды, не надели нижнего белья. Дефиле прошло под свист, топот и восторженные выкрики школьников. Маринка, кстати, наивно полагает, что коллекция до глубины души восхитила присутствующих. Жаль только, что никто из юношей не захотел приобрести майку из проволоки, а ведь Маринка просила недорого, всего тысячу евро.

Сами понимаете, что, имея подобных родственников, станешь кланяться Кармен и будешь готова мыть ей ноги за отличную зарплату.

Как-то раз, испуганная измученным видом Леськи, я не выдержала и рявкнула:

– По-моему, вам следует разъехаться. «Разбить» вашу огромную, восьмикомнатную квартиру на две очень легко. Конечно, Леню не исправить, как был не пришей кобыле хвост, так им и останется, но содержать одного человека легче, чем заботиться об армии родственников. Хочешь, посоветую риелтора?

– Что ты! – замахала руками Леська. – Они же без меня умрут! Элементарно от голода умрут. И потом, Леня, Олежек и Мариночка – таланты, а Глория Семеновна пишет замечательные стихи. Меня же господь ничем не одарил, поэтому я и работаю как ишак.

– Ишаку положено жить с себе подобными, – не успокаивалась я, – а не в стае белых лебедей: он с ними не договорится. Можно перефразировать известную поговорку про котлеты и мух: ишаки в своем сарае, лебеди в небе. Оставь их, пусть летят!

Леська затрясла головой:

– Нет, если с родственниками что случится, потом никогда себе не прощу. Мой долг поддерживать гениев.

И я перестала учить Караваеву уму-разуму. Никакие доводы на Леську не действуют. Передо мной встала проблема выбора: я принимаю Караваеву такой, какая она есть, либо порываю с подругой отношения. Ясно дело, я осталась с Леськой, но это было мое личное решение, поэтому я прекратила учить подругу жизни, хотя жизненная позиция редкостного лентяя и пофигиста Лени бесит меня до трясучки. Сейчас Леська делает ремонт. Угадайте с трех раз: кто заработал на него тугрики, кто мотается по стройрынкам, закупает краску, шпатлевку и прочее?

Наверное, во всем виноват мой капризный характер, потому что наряду с пассивностью Лени в последнее время меня раздражает и удивительная деловая активность Тёмы, сына Дегтярева. Откуда у полковника взялся более чем взрослый «мальчик», я уже рассказывала, повторяться не буду.[1 - Подробнее об этой истории читайте в книге Д. Донцовой «Ромео с большой дороги». Издательство «Эксмо».] Тёма купил дом в Ложкине и теперь вовсю ремонтирует

здание, поэтому сегодняшний день начался самым волшебным образом.

Ровно в семь утра дверь в мою спальню распахнулась, и в комнату вошла группа из трех человек. Впереди, как всегда, одетый в растянутый пуловер и измятые джинсы, шагал Тёма, за ним ковыляла на невероятных каблучищах крашеная блондинка, сильно смахивающая на хорошо питающуюся и не особо часто бегающую лошадь, замыкал шествие высокий парень с красивой, накачанной фигурой и лицом порочного херувима.

Тёма подскочил к стене, на которой висела картина, подаренная мне на день рождения Дегтяревым.

Обычно перед любым праздником полковник едет в магазин и приобретает для меня флакон духов. Причем Александр Михайлович совершает классическую мужскую ошибку – он берет то, что приятно ему самому, а наш полковник в восторге от тяжелых восточных ароматов. Я же предпочитаю легкие, ненавязчивые запахи, поэтому все подарки Александра Михайловича заканчивают жизнь одинаково: складируются в шкафу и ждут подходящего случая, чтобы отправиться к новой хозяйке. Конечно, передаривать презенты более чем невоспитанно, но ведь не хранить же шеренги нераспечатанных флаконов?

В этом году я ждала от лучшего приятеля очередное изделие Диор-Ланком-Шисейдо-Шанель-Кензо, но полковник изумил до остолбенения. Ровно в полночь, когда наступило седьмое июня, он втащил в мою комнату нечто огромное, завернутое в подарочную бумагу, и воскликнул:

– С днем варенья! Раскрывай скорей!

Я разорвала хрустящую обертку и ахнула: взору открылась картина, явно сделанная на заказ. Полотно изображало кухню, заполненную поварами. В роли шефа выступал Хуч, на его голове торчал гигантский белый колпак, мопс был запечатлен на задних лапах, в фартуке с надписью «Главный». У стола, где высился именинный торт, маячили Снап и Банди, шапочки у них были меньше, собаки украшали выпечку свечками. Пуделиха Черри в платье немыслимого красно-синего цвета, лущила орехи, а йоркшириха Жюли пыталась справиться с баллончиком взбитых сливок. На картине имелась еще одна собака, явно женского пола, потому что на ней красовалось зеленое вечернее платье. Вот

только породу я определить не смогла, то ли это была сильно побитая молью плешивая болонка, то ли голая мексиканская собачка, на макушке которой торчали пряди белой шерсти, а глаза ее имели совершенно не собачий голубой цвет. Может, живописец попытался изобразить старую тибетскую терьериху-альбиноску?

Впечатляющее полотно было вставлено в неприлично дорогую резную раму и имело табличку «День рождения Даши».

Я чуть не прослезилась и стала благодарить полковника. Дегтярев краснел, пыхтел и приговаривал:

– Может, духи лучше, но они закончатся, а это на всю жизнь. Тебе нравится?

В сотый раз ответив «да», я рискнула задать собственный вопрос:

– Хуч, Банди, Снап, Черри и Жюли вышли замечательно, а вот кто изображен в зеленом платье?

Полковник издал стон:

– Ну вот, не понравилось…

– Изумительная вещь, никогда не видела ничего подобного! – абсолютно искренно ответила я. – Просто интересно, что за собачка такая?

– Это ты, – мрачно пояснил полковник. – Сам придумал композицию. Сначала хотел, чтобы художник нарисовал нас: Зайку, Кешу, Маню… Но Олежек высмеял идею, и тогда мне пришла в голову мысль о собаках, которые преподносят Даше лично приготовленный торт.

Я поглядела на собачку в зеленом платье и тут только сообразила, что у нее не морда, а лицо. Если живописец изобразил меня, и я вот так выгляжу со стороны, то, кажется, дела у меня совсем плохи, необходимо срочно нестись к пластическому хирургу. Интересно, можно ли переделать все, от подбородка до лба? Но еще больше меня поразило известие об авторе сего живописного произведения.

– Это работа Олежека?!

– Угу, – подтвердил Дегтярев. – Когда задумал подарок, я позвонил ему и попросил подсказать специалиста. Олежек возьми да и ответь: «Сам сделаю». Я, правда, потом пожалел, что с ним связался, думал, он не успеет, тянул кота за хвост, только пару часов назад отдал. И как? Нравится?

– Сногсшибательно! – в очередной раз заверила я. И, чтобы окончательно успокоить Дегтярева, добавила: – Повешу на стену напротив кровати.

Вот уже две недели картина является источником стресса. Когда я просыпаюсь по утрам, мой взгляд падает на «мексиканскую собачку», изображенную на полотне. Я вскакиваю с постели и несусь в ванную, где достаточно долго разглядываю себя в зеркало, а потом занимаюсь аутотренингом, повторяя:

– Спокойствие, только спокойствие… дело не настолько ужасно… ты не красавица, но ведь и не похожа на мексиканскую собачку… та имеет хвост и передвигается на четырех лапах…

Но сегодня привычный ритуал оказался нарушен Тёмой и сопровождающей его незнакомой парой. Абсолютно не обращая никакого внимания на хозяйку спальни, Тёма ткнул пальцем в стену и начал:

– Вот так от…

Я возмущенно кашлянула.

– Кто тут? – подпрыгнул Тёма.

– Я. Прости, конечно, если тебе кажется странным то, что я нахожусь в собственной спальне в столь ранний час.

– Извини, пожалуйста, – спохватился Тёма, – но уже полдень.

– Ошибаешься, – буркнула я, разглядывая будильник, – семь ноль пять.

– Нет, нет! – принялся спорить Тёмчик. – У меня на руке часы! Ровно двенадцать дня!

Я села, попыталась пригладить торчавшие в разные стороны волосы, чихнула и вдруг поняла, по какой причине возникло недоразумение.

– Ты когда прилетел из командировки?

– Вчера поздно вечером, – сообщил Тёма, – мотался в Криквиль. Ваще чума! В самолете чуть не умер от холода. Билет был на рейс не нашей авиакомпании, так думал, сервисом замучают. А ни фига! Еле-еле плед выпросил!

– Какая разница между Москвой и этим Криквилем? – зевая, поинтересовалась я.

– Пять часов.

– Вот почему на твоих золотых стрелки показывают полдень, – докончила я. – Ты не выставил московское время, приземлившись в Шереметьеве.

– В Домодедове, – машинально поправил Тёма.

– Название аэропорта к сути проблемы отношения не имеет.

– Я болван! – взвыл Тёма. – Разбудил тебя! Думал, ты давно уехала в город!

– Ерунда. Я сегодня никуда не собиралась, предполагала поваляться в саду на раскладушке.

– А еще ребят выдернул… – окончательно расстроился Тёма. – Вы почему промолчали, когда я позвонил вам в несусветную рань и предложил незамедлительно встретиться?

Красавчик растянул в улыбке губы. Обычно с улыбкой на лице люди делаются милее, но херувим мигом обрел сходство с гиеной.

– Ничего, – приятным баритоном ответил он, – привыкли вставать по свистку.

– Желание клиента – закон, – подтвердила хорошо откормленная лошадь.

– Я же вас не познакомил! – спохватился Тёма. – Это Лада и Виталий Донские. Они суперспециалисты, будут отделывать мой новый дом.

Я окинула взглядом лошадь, покачивавшуюся на высоченных каблуках, и херувима, обвешанного золотыми, толщиной с мою ногу, цепочками, и не удержала удивления:

– Вы лично штукатурите стены, кладете кафель и устанавливаете сантехнику?

– Господи, конечно нет! – подскочил Тёма. – У Лады и Вити фирма, огромная, называется «Динком», расшифровывается как «Донские инкорпорейтед мезонин». Лада и Витя завалены заказами, и я страшно рад, что они нашли время заняться моим скромным домиком. Привел их сюда, чтобы сказать: так, как сделаны стены в спальне у Даши, мне красить не надо. Некачественная работа.

Лада выпятила нижнюю губу:

– Да уж, мы не халтурим…

– Порой в убыток работаем, – подхватил Витя, – стараемся, наши специалисты стены чуть не утюгами гладят…

– Языками вылизывают… – «пела» Лада.

Неожиданно меня охватило раздражение:

– Вряд ли отделочники используют названный орган в качестве валика. Во-первых, неудобно, а во-вторых, отравиться можно.

Лада и Витя уставились на меня, в глазах лошади мелькнула злость.

– Ха-ха-ха-ха! – развеселился Тёма. – Дашутка, нельзя же буквально воспринимать любые слова! Лада пошутила. Пошли, ребята, вниз, попьем вместе кофейку.

– С удовольствием, – закивала Лада. – А конфеты дадут? Обожаю шоколадки!

Весело чирикая, строители и Тёма утопали, я потрусила в ванную. Ох, не нравится мне эта парочка, слишком сильно супруги Донские похожи на лису Алису и кота Базилио.

Глава 2

Насладиться кофейком в приятной компании мне, слава богу, не удалось. Не успела я привести себя в порядок, как на тумбочке затрещал телефон, определитель показывал номер мобильного полковника. Удивившись уже в третий раз за сегодняшнее утро, я прижала сотовый к уху.

– Слушаю.

– Извини, разбудил, наверное, – сказал Дегтярев.

– Давно проснулась и даже успела принять душ.

– Что собираешься делать?

– Ну… почитаю Устинову, в саду, на раскладушке.

– Мне нужна твоя помощь.

Я протяжно зевнула.

– Хочешь поехать в магазин за летними вещами? Давно пора. Когда и где встречаемся?

– Через два часа, – коротко ответил полковник, – улица Народного Ополчения, дом…

– Милый, – перебила я приятеля, – если решил прибарахлиться с помощью некоего челнока, который таскает узлы из Китая, то зря. Давай поедем в крупный торговый центр и…

– Жду по указанному адресу, – сухо перебил Дегтярев. – Сделай одолжение, не спорь!

Я скривилась, потом взяла ключи от машины, осторожно спустилась на первый этаж и шмыгнула в гостевую комнату, вход в которую располагается прямо у подножия лестницы. Мерно сопящий Хучик следовал за хозяйкой по пятам. Я открыла окно, вылезла в сад и, закрывая створку, сказала явно растерянному мопсу:

– Не волнуйся, я вполне здорова, просто очень не хочется проходить мимо столовой, где пьют кофе лошадь с херувимом. Будь осторожен, Хучик, смотри, как бы мадам строительница не наступила на тебя каблучищем.

Хуч шумно вздохнул и, разбежавшись, запрыгнул на диван, а я бойко порысила к машине. По опыту знаю – спорить с Александром Михайловичем не следует. Сейчас поперебираю рубашки, доставленные предприимчивым челноком, и даже, может, куплю полковнику одну, а потом возьму толстяка и отволоку в нормальный магазин…

Дверь в нужную квартиру открыл сам Дегтярев.

– Ты за хозяина? – улыбнулась я.

– В некотором роде, – абсолютно серьезно отозвался приятель.

– Тогда дай тапки.

– Ступай так.

Я стала расшнуровывать кроссовки.

– Не снимай, – остановил меня полковник, – здесь давно не убирали. Впрочем, не уверен, что вообще когда-нибудь мыли пол.

Удивленная сверх меры, я очутилась на кухне.

– Хочешь чаю? – церемонно осведомился Дегтярев. – Специально купил по дороге твой любимый, цейлонский, а еще крекеры и лимон. Вот!

И тут до меня дошло, где я нахожусь. Окно не занавешено шторами, на кухне нет и намека на кастрюли со сковородками, из посуды только два граненых стакана да гнутые алюминиевые ложки…

– Зачем позвал на конспиративную квартиру? – прищурилась я.

Дегтярев сел на табуретку и оперся локтями о хлипкий стол.

– Дело есть. Вернее, огромная личная просьба!

– Речь пойдет не о летних рубашках?

– Нет, о работе.

– Чьей? – подскочила я.

– Ясное дело, моей, – мрачно сообщил Дегтярев.

Я потрясла головой, потом осторожно посмотрела в окно. Сейчас на теплую, июньскую Москву обрушатся снегопад, гроза, дождь, цунами, пурга, циклон, песчаная буря и наводнение. Все неприятности произойдут одновременно, а виноват в истерическом припадке природы окажется полковник, который решил попросить у меня помощи.

– Что ты так на меня смотришь? – нервно поежился толстяк. – Если тебе не хочется помогать мне, скажи прямо, не стану зря тратить время на рассказ.

– Нет, нет! – пришла я в себя. – Начинай.

Александр Михайлович вскочил и начал расхаживать по небольшому пространству между мойкой и грязным окном. Я старалась не упустить ни слова

из его плавной речи.

…Некоторое время назад в милицию обратилась некая Нелли Семеновна Майкова. Она утверждала, что ее невестка Розалия убила своего мужа Павла, сына заявительницы. Преступление свершилось на бытовой почве. Супруги часто ссорились, и в конце концов сын Павел воскликнул:

– Ну хватит! Развод! Придется тебе, солнце красное, сваливать из моей квартиры!

Розалия, похоже, испугалась. Она притихла и с удвоенной энергией начала готовить еду. Павел успокоился, в семье наступила тишь да гладь. Одна Нелли Семеновна почуяла беду. Она хорошо понимала: ее сын обманут наглой бабой, у той на уме лишь одно – деньги, ради них Розалия готова на все. А Павел вполне успешный бизнесмен. Конечно, не Билл Гейтс, но рубли в семье водятся.

Нелли Семеновна пару раз подкатывалась к сыночку с разговорами, но Павел отмахивался, недовольно говоря:

– Мама, во всех семьях случаются скандалы. Я высказал претензии, жена изменилась в лучшую сторону, более говорить не о чем.

Но Майкова не успокаивалась:

– Розалия не работает, весь день бездельничает. Где это видано? Вот я всегда честно трудилась, возвращалась вечером домой и, ожидая мужа, занималась хозяйством.

– Ты закончила институт, – пояснил Павел, – имела хорошее образование, а Розалии надо учиться. Ну, допустим, на певицу, у нее голос есть. Ей надо бывать на концертах и тусовках, а их устраивают по вечерам.

– Тоже мне Пугачева нашлась! – кинулась в бой женщина. – Значит, скоро твоя жена начнет полуголой перед мужиками кривляться? Это разврат!

– Мама! Замолчи!

– По хозяйству ничего не делает!

– У нас же есть домработница.

– Не готовит!

– На то есть повариха.

– Конечно, конечно! – фыркнула дама. – И горничная, и кухарка… А зачем же тогда жена?

– Супруга не помесь пылесоса со сковородкой, – попытался образумить маменьку бизнесмен, – она мне интересна как личность. Понимаешь?

– Более чем, – язвительно закивала Майкова. – Кстати, личность, о которой ты сейчас толкуешь, легко купить у дороги. Может, тебе так и поступать? Поломойка, повариха и проститутка. Дешевле получится. Ночные бабочки, в отличие от Розалии, честные девушки, продают тело и удовлетворяют потребности клиента. А твоя жена постоянно выдрючивается. Уж извини, бессонницей маюсь и частенько слышу ваши голоса из спальни: то у нее голова болит, то спать хочет, то устала… Кстати, Павлуша, я твоему отцу никогда не отказывала!

– Мама, – только и сумел ответить Павел, – ты подслушиваешь под дверью нашей спальни!

– Должна же я все знать о сыне, – заявила дама.

Вскоре после этой беседы Павел умер. Во сне, от сердечного приступа. Ничего настораживающего в кончине мужчины врачи не обнаружили, при вскрытии диагноз кардиологов подтвердился. Тогда же было отмечено: Майков употреблял наркотики. Но Нелли Семеновна уверена, что в смерти сына виновата Розалия, и потребовала вызвать невестку в милицию.

– Да, Павел пил успокоительное и иногда делал себе уколы, но убийца Роза, дайте мне повестку для нее, – упорно повторяла Нелли Семеновна.

Следователь отнесся к визиту Майковой более чем скептически. Военные действия между свекровью и невесткой не редкость, поэтому никаких решительных действий милиционер не предпринял. Смерть от сердечного приступа очередного наркомана, пусть даже и успешного бизнесмена, не удивляла. А Нелли Семеновна упорно продолжала требовать вызова Розалии на допрос. Она приходила в милицию два раза, а потом пропала. Сначала следователь Иван Федосеев обрадовался, но потом, испытывая непонятную для самого себя тревогу, позвонил Майковой домой. И услышал от всхлипывающей Розалии:

– Нелли Семеновна умерла – сердце не выдержало. Она так горевала о Павле!

Федосеев успокоился. Он вспомнил, что в один из визитов в милицию назойливой посетительнице стало плохо прямо в отделении, даже пришлось вызвать «Скорую».

Нелли закончила земной путь в понедельник, а в четверг к Ивану Федосееву пришла некая Зинаида Райкина и сделала заявление:

– Видите синяки? Вот, кстати, справка из поликлиники о побоях.

– Вас поколотил муж? – безнадежно поинтересовался Иван, прикидывая в уме, как лучше провести беседу, чтобы Зинаида спокойно ушла, не заполняя никаких бумаг.

– Нет, Розалия Майкова! – воскликнула тетка.

Иван выронил ручку, а Райкина начала выдавать информацию.

Она тесно дружила с Нелли Семеновной и знала о неприязненном отношении дамы к невестке.

– Если честно, – глотая от торопливости куски слов, тарахтела Зинаида, – Розалия мерзавка! Нелли хотела похоронить сына на кладбище, в одной могиле с отцом, а жена настаивала на крематории. Такую бучу подняла! «Сжечь, и все!» – кричала.

Только Нелли не сдавалась.

– Нет, в землю! – топала ногами мать. – Я главнее, слушайте меня.

В результате Нелли Семеновна, поддержанная друзьями, сумела победить законную жену, и Павла похоронили на Митинском погосте.

Но еще худшая история случилась после смерти самой Нелли Семеновны. Розалия, изображавшая невероятное горе, заявила:

– Свекровь не раз говорила о своем желании завершить жизненный путь в огне.

– Вовсе нет, – возразила Зина, – Нелли хотела лежать около супруга и сына.

– Так ее там и похоронят. Урну можно закопать в любом месте, – закивала Розалия.

– В гробу, – твердо заявила Зина.

– В урне.

– В домовине! – не уступала лучшая подруга покойной.

– Я хочу исполнить последнюю волю безвременно ушедшей мамы, – заныла Розалия.

– И я имею то же намерение, – закивала Зина. – Кстати, вот записка от Нелли, она мне передала ее за три дня до смерти. Читаю вслух: «Зинуля, я скоро умру, гадина станет требовать моей кремации, но ты не разрешай. Она меня травит, только не понимаю как. Сначала Павла жизни лишила, теперь за его мать принялась. Ни в коем случае не сжигай мое тело. Пусть сделают потом исследование останков моих и Павла. Следы должны быть. Я даю согласие на эксгумацию».

Едва Зинаида огласила послание, как Розалия коршуном кинулась на нее.

– Сволочь! – орала она, пытаясь выхватить листок. – Сука! Вот ты что придумала!

Райкина загораживалась, но пара ударов крепкой и намного более молодой Розалии достигла цели. По счастью, в квартире находились люди, младшую Майкову оттащили, к Зинаиде вызвали врача, а тело Нелли Семеновны, исполняя последнюю волю умершей, опустили в могилу.

– Все имущество убийце отойдет! – гудела теперь в кабинете следователя Райкина, горя желанием отомстить Розалии. – Дача, машина, бизнес, вещи, мебель… Вызовите дрянь к себе и скажите: «Знаю, ты убийца! Отравительница!»

– Я не имею права на подобные заявления, – отмахнулся Федосеев. – Идите, гражданочка, домой. Майков был наркоманом, его мать пожилой женщиной, никакого криминала в их смерти нет. Я более не могу вами заниматься, у меня труп на участке, спешу на место происшествия.

– Так я завтра приду! – гаркнула Зина. – Прямо с утра!

– Хорошо, – безнадежно согласился Иван, – заглядывайте, раз вам так хочется.

Но утром Зинаиды Райкиной у дверей кабинета не оказалось. Иван на радостях перекрестился и с головой ушел в работу. Около двух часов дня к нему заглянул коллега, Миша Квонкин, и спросил:

– Вроде тебя вчера психопатка донимала? Зинаида Райкина?

– И кому она нажаловалась? – почти с отчаянием воскликнул Иван. – До ООН дошла? Или на прием к Президенту России попала?

– Радуйся, – усмехнулся Мишка, – померла твоя активистка. Нашли в подъезде. Соседи тело обнаружили. Похоже, ее кто-то толкнул. Наверное, грабитель. Она упала и шеей о ступеньку! Правда, сумка на месте, а в руке клочок бумаги.

Федосеев ощутил, как желудок его сжали невидимые, но очень крепкие пальцы.

– Шеей о ступеньку? – переспросил он.

– Ага, – закивал Михаил, – чик-брык, и готово! Расслабься, твоя Зинаида уже в раю гуляет, яблочки жует. Хотя лично я предпочту оказаться в аду, среди большой компании друзей. Эй, чего стух? Думал, ты до потолка от восторга прыгать станешь.

– Ага, только ботинки завяжу, – пообещал Иван и пошел к начальству.

Глава 3

Дегтярев не стал утомлять меня ненужными подробностями о том, каким образом Федосееву удалось добиться разрешения на эксгумацию. Результаты тщательных исследований оказались ошеломительными: в телах Павла, его матери и Зинаиды Райкиной нашли следы особого сильнодействующего яда. Эта отрава накапливается в организме постепенно, и, когда ее концентрация превышает определенное количество, жертва умирает от инфаркта, инсульта, рака, цирроза… В общем, от каких-то вполне некриминальных причин. Никаких подозрений смерть человека в подобном случае не вызывает. Так вот, все погибшие, Майковы и Райкина, были отравлены, причем Павла и Нелли «угощали» постепенно, а Зинаида получила большую дозу одномоментно. Сообразив теперь, что у обеих теток-подруг, приходивших к нему, имелись поводы для беспокойства, Иван Федосеев развил бурную деятельность и выяснил, что вечером, накануне кончины, Зинаида сказала своей дочери Алине:

– Розка испугалась и хочет меня купить. Только что говорила с ней, представляешь, предлагает встретиться, поет: «Ну зачем нам друг друга ненавидеть? Вы любили Нелли Семеновну, я считала ее матерью. Давайте поговорим спокойно!»

– Не ходи! – испугалась Алина. – Сама знаешь, что собой представляет Розка.

– Я подумаю, – пообещала Зинаида.

А потом ее нашли мертвой в подъезде. Федосеева начала мучить совесть – ведь получилось, что он невольно явился причиной смерти Райкиной – женщину очень поспешно убрали с дороги, чтобы она прекратила бегать в милицию. Обрати

Иван должное внимание на слова настырной посетительницы, та, вполне вероятно, осталась бы в живых.

Ощущая внутренний дискомфорт, Иван совершил ошибку – взял и задержал Розалию. Федосеев надеялся, что никогда не имевшая ничего общего с органами МВД женщина растеряется, испугается и сознается в убийствах. Большинство так называемых «первоходок» испытывает подлинный шок, оказавшись под замком. Пройдя все малоприятные процедуры оформления в СИЗО, помаявшись сутки от неизвестности в камере среди профессиональных уголовников, даже сильные мужчины впадают в ступор и, войдя в кабинет к следователю, развязывают языки. Все следователи знают: «колоть» преступника надо на первых допросах, потом он придет в себя, успокоится и вновь обретет умение трезво мыслить.

Поэтому, если, не дай бог, конечно, очутитесь за решеткой, не начинайте открывать перед ласковым милиционером душу, не покупайтесь на сигареты, чай и слова «поговорим без протокола». Лучше всего спокойно потребовать адвоката и молчать. Причем рот не надо открывать вообще, даже на вопрос «Как вас зовут?». Начнете беседовать – потом не остановитесь. Кстати, задержанный имеет право на телефонный звонок, вот и воспользуйтесь им, сообщите родственникам об аресте и держите язык за зубами. Но в большинстве случаев испуганные, не знающие своих прав люди ведут себя иначе.

Потому Федосеев, вызывая из камеры Розалию, и ожидал увидеть слезы, услышать крик «Я ни в чем не виновата!», а затем покаянные признания.

Только получилось иначе. Розалия села на крепко приделанный к полу стул, равнодушно отвергла воду, сигареты и не захотела никому звонить.

– Спасибо, – сказала она. – Произошла ошибка.

И это было все. Больше из нее не удалось выдавить ничего. Как ни старался Иван, женщина молча смотрела в стену, совершенно не реагируя на стандартные крючки. Вопрос «Кому позвонить, чтобы вам принесли передачу?» так и остался без ответа.

Не секрет, что у милиции имеется целая сеть осведомителей, в каждой камере непременно находится один, а то и несколько стукачей. Федосеев переговорил с

агентами и выяснил, что Розалия проводит время в молчании; в разговорах не участвует, о себе не рассказывает, чужой судьбой не интересуется, угощенье не берет, даже чай не пьет, довольствуется миской малосъедобной баланды, которой кормят в СИЗО. Федосеев понял, что дело плохо: никаких прямых улик против Розалии не имелось, и ее по-хорошему следовало отпустить. В телах Павла, Нелли и Зины нашли яд? Ну и что? Отравить их мог кто угодно. Ивану-то ясно было – убийства совершила Розалия, но где доказательства? Собственные мысли, типа «она виновата, носом чую», к делу не приложишь…

Дегтярев замолчал и уставился на меня.

– Понятно? – спросил он через пару секунд.

– В принципе – да. Но при чем тут я?

Александр Михайлович глубоко вздохнул.

– Ванька Федосеев – мой старый знакомый, хороший мужик, да вот карьера у него не сложилась, сидит в районе. Я все пытался ему помочь, перетащить к себе, и некоторое время назад появился шанс. Только и надо мной начальство есть, и оно уверено: Федосеев не самый лучший кандидат в отдел к Дегтяреву. Я столько табуреток сломал и в результате услышал: «Чем он там в районе занимался? Искал белье, украденное с чердака?» Наше начальство странное, объяснял сто раз: Ванька крепкий профессионал, честный до идиотизма, копейки не возьмет. Но нет! Вот я и придумал ход: Федосеев с блеском распутывает дело отравительницы, а я привлекаю журналистов, пусть поют Ваньке дифирамбы: мол, доблестный милиционер, талантище, каких мало. Мой начальник падок на газетные публикации, мигом Федосеева в отдел оформит.

– Поняла, – закивала я, – нет проблем. В моей записной книжке много телефонов журналистов. Для начала Артур Пищников. Он, правда, из «Желтухи», но может и красиво написать. Затем…

– Ты не о том сейчас думаешь, – перебил толстяк.

– Да? – слегка удивилась я. – Газеты не подходят? Конечно, в плане пиара телевидение лучше, можно поискать нужных людей в Останкине. Только хороших знакомых, вроде Артура Пищникова, у меня там не имеется.

– Дай договорить! – возмутился толстяк.

– Извини, продолжай.

Александр Михайлович прислонился спиной к подоконнику.

– Очень сомневаюсь, что эта Розалия хорошо разбирается в юридических тонкостях. Ну откуда ей знать, сколько времени можно держать гражданина в СИЗО, не оформляя человека как арестованного? Она скромная домашняя хозяйка, решившая в последнее время стать звездой эстрады. Между нами говоря, поздновато она на сцену полезла, хотя если деньги имеешь, то и в сто лет зазвездишь.

– Это неверно, – улыбнулась я. – Публику не обмануть!

– Ну вот! Стоило один раз попросить о небольшой услуге, как ты затеваешь скандал! – вмиг обозлился толстяк.

– Ты еще ни о чем не попросил!

– У тебя невыносимый характер!

– Хватит нервничать, говори по сути.

Полковник распахнул окно, в кухню ворвался уличный шум.

– Не успел сообщить главного. К Федосееву, изучавшему дело, зашел коллега. Следователи пошли вместе обедать, и Иван рассказал знакомому о своей оплошности. Все угрызался: вот, мол, не разобрался, принял Зинаиду Райкину за обычную сумасшедшую, а что получилось… «Знаешь, – неожиданно ответил ему приятель, – я слышал о похожем случае. Жена отравила мужа хитрым ядом, хотела наследство заграбастать. Вроде еще и его детей от первого брака на тот свет отправила. Кто мне рассказывал о ней? Э… э… Вспомнил! Роман Затевахин, когда мы с ним на совещании рядом сидели. Только это довольно давно случилось, несколько лет уже прошло. Ты позвони Роману, он на юге столицы сейчас работает, перевелся в другое отделение. Вдруг чего выяснишь!» У Федосеева других зацепок не имелось. Но еще существует такая вещь, как

интуиция. А Ивану сразу показалось, что то старое дело может быть связано со смертями Майковых и Райкиной. Отчего он сделал данное умозаключение, Федосеев не понимал, это был тот случай, когда говорят: «просто чувствую, и все». Так опытный сотрудник ГАИ останавливает из потока автомобилей именно тот, где за рулем находится человек без прав. Как постовой вычисляет нарушителей? Чувствует, и все. Иван послушался своих ощущений, нашел Затевахина, и, представляешь, выяснилась замечательная вещь. Несколько лет назад скоропостижно скончался от инсульта некий Сергей Корольков. Возраст у мужика вроде не древний, чуть за пятьдесят, но, с другой стороны, именно в эти годы у многих людей и случаются первые неполадки со здоровьем. Уж не знаю почему, но тело покойного было тщательно исследовано специалистами, и в нем нашли следы яда.

– Интересно, – кивнула я.

– Более чем! – ажиотировался полковник. – Отрава известная, но малоупотребляемая по одной, весьма веской причине: если один раз угостить ею жертву, та скончается внезапно, что привлечет внимание сотрудников милиции.

– Все отравы действуют так, – пожала я плечами.

– Э, нет! Данный яд, если вводить его очень мелкими дозами, никакого вреда человеческому организму вроде не нанесет, но спустя некоторое время накопится, и человек скончается. Причем за пару недель до смерти жертва начинает жаловаться на плохое самочувствие, обращается к врачам, но прием лекарств не оказывает положительного действия. Сообразила?

– Что?

Дегтярев нервно дернул шеей.

– Для того чтобы незаметно избавиться от человека, его следует травить ежедневно, с завидным постоянством. При этом обреченный не должен заподозрить ничего – следовательно, убийца, выполняя свое черное дело, обязан мило улыбаться. Представляешь психологический портрет киллера? Ты бы сумела на протяжении долгого времени общаться с человеком, великолепно зная: его дни сочтены, и это результат твоих усилий?

– Фу! Нет, конечно, – передернуло меня. – В принципе не исключаю ситуации, что, впав в состояние аффекта, могу схватить стул и опустить его на чью-нибудь голову. Кстати, пару раз с огромным трудом удержалась от такого поступка. Но медленное отравление… Никогда бы не сумела проделать подобное! И потом, около меня нет человека, который вызывал бы к себе столь ужасную неприязнь.

– Имеется еще один нюансик, – потер руки полковник. – У яда достаточно неприятный, характерный горький вкус. Каким образом дать его?

Я призадумалась.

– С едой, которая горчит! – сообразила наконец.

– Лучше всего с соком, – подхватил Дегтярев. – Допустим, с грейпфрутовым или гранатовым, только не пакетным, а свежевыжатым. Вот эта особенность отравы – невозможность добавить ее незаметно в любое блюдо – сильно сужает поиск киллера. Кто может заботливо подносить бокал свежеприготовленного напитка? Жена, мать, сестра, любовница. Маловероятно, что подобную заботу проявят коллеги по работе, да и не держат в офисах соковыжималок.

– Ты не прав! – ринулась я в бой. – Есть рестораны, бары, кафе…

– Ну нет, слишком сложно, – усмехнулся полковник. – Яд ведь надо вводить ежедневно, а с общепитом такое вряд ли возможно. Допустим, человек привык пить в буфете сочок, но потом взял и заболел, две недели не приходил. Или ему нахамили в этой ресторации. Киллеру что, договариваться со всеми барменами Москвы? Нереально. Нет, убийца был рядом, дома. Так вот у того Сергея Королькова имелась жена, Лариса. А еще у них на кухне стояла замечательная соковыжималка, и Ларочка, по свидетельству дочки Сергея от первого брака, каждое утро поила ее папочку грейпфрутовым соком. Далее следующее. В квартире было установлено видеонаблюдение…

– Зачем? – с недоумением спросила я.

– Корольковы в свое время взяли домработницу и хотели проверить, как тетка ведет себя в отсутствие хозяев. Просматривая запись, следователь наткнулся на интересные кадры: Лариса заботливо моет грейпфруты, выжимает из них сок, вытаскивает из кармана пузырек, капает некую жидкость в стакан и относит его

мужу.

– Вот странность! – изумилась я.

– Что тебе не понравилось? – скривился полковник. – У милой Ларочки имелись все причины извести супруга: она – бедная, почти нищая девушка, а Сергей богат. Кто наследует капитал? Лариса и дочери Королькова от первого брака. Все, больше никого нет.

– Она же знала о видеокамерах! И капнула под объективом яд? Глупее не бывает. Оставить такую улику…

Полковник крякнул.

– А Ларисе не сказали о съемке. Домработницу давно выгнали, аппаратуру не включали. Отчего она заработала, никто не понял. Юля, младшая дочь Сергея, случайно сказала о камерах, проверили – есть запись! Ларису задержали, она стала оправдываться. Дескать, Сергей начал пить, она, как заботливая жена, чтобы отбить у мужа охоту к возлияниям, купила в аптеке широко разрекламированное средство «Невыпивайка»[2 - Препарат придуман автором. Но в продаже имеются всякие средства, якобы отбивающие тягу к алкоголю. Прим. автора] и, как полагалось по инструкции, стала тайком добавлять мужу в сок. На вопрос следователя, где пузырек со снадобьем, ответа не последовало. Сыщики провели обыск и нашли «тару», на дне которой обнаружили следы того самого яда, а на стекле сохранились отпечатки двух пальцев Ларисы. Королькову арестовали, осудили и отправили на зону.

– Да из этой истории во все стороны торчат белые нитки! – снова изумилась я. – Неужели Лариса такая дура – не избавилась от пузырька?

– Все объяснимо. Мужа она травила несколько месяцев, потеряла бдительность, не думала, что придут с обыском.

– Но…

– Послушай, – решительно заявил полковник, – не о Корольковой речь! Важен факт: она использовала тот же яд, что и Розалия. И еще: как ее ни «кололи»,

правды не узнали. Лариса сначала тупо твердила: «Я не виновата, произошла чудовищная ошибка», – а потом замолчала, прямо как Розалия. На вопрос: «В какой аптеке покупали лекарство, использованное как яд?» ответа она не дала. Федосеев сообразил, что дела Корольковой и Розалии связаны между собой. Конечно, надо долго и упорно работать, искать нити, и Ванька непременно бы это сделал, но… у нас нету времени.

– Почему? – заинтересовалась я.

Александр Михайлович сел на табуретку.

– Вакансия в моем отделе пока есть, для Ваньки она является последним шансом карьерного рывка – упустит возможность, вряд ли сумеет выбраться из района, возраст поджимает. Мне элементарно обидно, что Федосеев едва майора получил. Сообразила?

– В общих чертах, – туманно ответила я. – Твое желание помочь приятелю похвально, но какова моя роль?

Толстяк напыжился.

– Наше начальство отбыло в отпуск, без него никто приказ о приеме в отдел нового сотрудника подписывать не станет. Но когда генерал вернется, ситуация изменится в секунду: Петр Иванович не станет ждать, пока Ванька проявит себя. Подыщут мне нового члена команды, неизвестного, и воткнут в отдел. А Федосеев в районе сгниет. Помоги мне!

– Как?

Полковник положил руки на стол.

– Надо разыграть спектакль. Ванька вызовет на допрос Розалию, ее доставят к нему в кабинет, и тут ты должна влететь в комнату и устроить шум. Топай ногами, наседай на Федосеева, обзывай по-всякому, требуй от него результат экспертизы. Вроде твой пьяный муж сбил машиной человека, но ты уверена, что менты, волки позорные, подстроили дело. Вот и ори на Федосеева: «Покажите анализ крови! Супруг даже не нюхал водку!» Ванька сначала попытается тебя

вытолкать, но не сумеет справиться с озверевшей бабой и уйдет из кабинета, оставив вас с Розалией вдвоем. И тут твоя задача сделать так, чтобы женщина прониклась доверием к случайной посетительнице и попросила ее о помощи. Понимаешь, ей нужен адвокат, передачи…

– Насколько понимаю, Розалию должны будут скоро отпустить!

– Но она-то об этом не знает! Она точно убийца и, конечно, нервничает, не идет на контакт со следователем и сокамерниками. Роза явно кого-то боится! Но при виде абсолютно посторонней тетки может рискнуть, попросит передать записку или позвонить кому-нибудь. Мы выйдем на ее сообщника, любовника… Главное – произвести на нее нужное впечатление. Надень на себя побольше драгоценностей, дорогой костюм. Розалия же понимает, у милиционеров нет средств на шикарные шмотки и здоровенные камни, следовательно, тетка не подстава, а простая посетительница. Да, кстати, не забудь представиться настоящим именем – вдруг Розалия, учитывая богатство ее мужа, слышала о тебе.

– Дурацкая затея, – мигом оценила я ситуацию. – Во-первых, в кабинет, где идет допрос, не пускают посторонних, во-вторых, Федосеев не имеет права уходить, оставив Розалию, в-третьих…

– Розалия понятия не имеет о подобных тонкостях! – закричал Дегтярев. – Лучше сразу скажи: «Не хочу выполнять просьбу», и я отстану.

– С удовольствием помогу, разыграю комедию и постараюсь подружиться с веселой вдовой. Только она и в самом деле могла кое-что обо мне слышать.

– Вот и хорошо!

– Просто замечательно, но у Даши Васильевой нет мужа, лучше придумать другой повод для визита к Федосееву.

– Согласен, – кивнул полковник.

Глава 4

Ровно в три часа дня я, облаченная в роскошный ярко-красный костюм, пнула ногой, обутой в изящную туфельку известной фирмы, ободранную створку, закрывавшую вход в кабинет Федосеева. В ушах у меня покачивались уникальные серьги бабки Макмайер, шею обвивало настоящее – подчеркиваю, подлинное! – жемчужное ожерелье. Не искусственно выращенные песчинки, а бело-розовые неровные камушки, добытые ловцами из раковин со дна моря. На правом запястье сверкали часы с «плавающими» брильянтами. Несколько колец и волосы, только что уложенные в модном салоне, довершали продуманный образ. За две секунды до появления в кабинете я щедро побрызгалась дорогущими духами и влетела в мрачную, обставленную далеко не новой мебелью комнату в облаке удушливого аромата.

Полный, лысоватый мужчина, по виду чуть моложе Дегтярева, чихнул и устало сказал:

– Я занят.

– Ну уж нет! Придется вам меня выслушать! – рявкнула я, быстро дошла до колченогого стула, плюхнулась на него, поставила на письменный стол следователя хамски дорогую сумку и капризно поинтересовалась:

– Вы Федосеев? Как там… э… Иван… э…

– Николаевич, – сухо подсказал мужчина. – У вас повестка?

– Еще чего! Я похожа на уголовницу?

– Подождите в коридоре.

– Еще чего! Я – Дарья Васильева. И если вы сейчас не займетесь моей проблемой, вам худо будет!

– Покиньте кабинет. Видите, я занят!

– У меня нет времени сидеть в ваших коридорах! Верните борсетку!

– Какую? – старательно разыграл недоумение Иван.

– Нет, вы только посмотрите на него! – закричала я. – Более дурацкого вопроса и придумать нельзя! Мою борсетку, ту, что украли из машины. В сумочке все документы и деньги. Слава богу, не последние копейки, всего тысяч пять евро, точную сумму не назову. Но там еще паспорт, права, кредитки! Все исчезло по вашей милости!

– При чем тут я? – на сей раз вполне искренно изумился Федосеев.

– А кто жуликов в Москве развел? Ясное дело, менты! Ерундой занимаетесь, взятки берете, нет бы преступников ловить… Правильно я говорю, женщина? Вы какого мнения?

Сидящая напротив меня бледно-серая Розалия неожиданно ответила:

– Да.

Я взбодрилась – процесс пошел.

– Верните паспорт! И права!

– Но каким образом? – заморгал Федосеев.

– Ваши проблемы! Распустили уголовников, теперь пришло время отвечать! Немедленно ступайте в паспортный стол и несите новый документ.

– Это совершенно невозможно.

– А-а-а, вот она, наша доблестная милиция! Как несчастных бабулек у метро гонять, тут вы первые, а как делом заниматься… Можно жить без документа? Отвечайте!

– Вам выдадут справку.

– Ладно, – скорчила я гримасу, – тащите бумажонку.

– Ступайте в… – начал было Федосеев, но я вскочила и завопила:

– Вы ответите за хамство!

– Что я сделал? – совершенно потерялся Иван, с которым Дегтярев обговорил лишь общую канву спектакля.

– Вы меня обматерили, сказали «ступай в…»!

– Ничего подобного, просто вам надо пойти в…

И вновь я не дала Федосееву договорить.

– Вот, слышали? – кинулась я за помощью к Розалии. – Он опять за свое!

В глазах вдовы мелькнуло злорадство.

– Да, – коротко подтвердила она.

– Дайте справку! – затопала я ногами, обутыми в эксклюзивную обувь. – Только не думайте, что не имею защитников. В вашей системе служит много моих друзей, причем на самом верху!

Федосеев вытащил из кармана мятый носовой платок и вытер вспотевший от волнения лоб.

– Посидите тут, – велел он и ушел.

Я уставилась на Розалию.

– Вот как надо с ними обращаться! Не церемониться. Ишь, нашелся гусь в яблоках! Сам за справкой потопал. Я давно поняла: излишняя интеллигентность мешает. А вас что сюда привело? Тоже борсетку из машины увели?

– Иная проблема, – обтекаемо ответила Розалия. – Вы не в курсе, где тут туалет?

– Соседняя дверь, – хихикнула я. – В коридоре такая вонища, наверное, у ментов канализация засорилась.

– Мне очень надо в сортир! – нервно воскликнула собеседница.

– В чем проблема, – пожала я плечами, – идите.

Розалия опустила глаза.

– Как-то неудобно, стесняюсь.

– Кого?

– Там, в коридоре, прямо у входа, стоит молодой милиционер.

– Ошибаетесь, – заулыбалась я, – только что шла мимо, там никого не было.

– Вам не трудно посмотреть? Вдруг мужчина вернулся? Понимаете, у меня цистит.

– Ужасно, – закивала я, – знакомая проблема.

– А еще я всегда стесняюсь, – зашмыгала носом Розалия, – если поблизости маячит мужчина, скорей помру, чем воспользуюсь туалетом.

– Это же глупо!

– Согласна, но ничего поделать с собой не могу. Сделайте одолжение, посмотрите, есть ли кто в коридоре?

При обычных обстоятельствах я бы насторожилась: ну почему незнакомка просит меня о подобной услуге, отчего сама не высунет нос за дверь? Но мне необходимо в кратчайший строк подружиться с Розалией, поэтому я с готовностью встала со стула.

Чтобы ситуация стала вам ясна до конца, опишу антураж. Отделение милиции разместилось на первом этаже жилого дома постройки пятидесятых годов прошлого века. Кабинеты тут располагались по сторонам длинного, делавшего самые невероятные повороты коридора. Крохотное помещение, служившее Федосееву офисом, очевидно, ранее было кладовкой, потому что не имело окна. Иван сидел один, но не по причине высокого служебного положения, а из-за крохотной кубатуры. В пятиметровом пространстве едва поместились письменный стол и три стула. Кстати, найти конурку Федосеева совсем даже непросто. Идешь, идешь, идешь, смотришь на номера… 12, 13, 14, 15… ба – 17! А где 16? Мне пришлось возвращаться к дежурному и спрашивать:

– Куда подевалась шестнадцатая комната?

Не отрывая глаз от новой книги Юлии Шиловой, служака в форме буркнул:

– Толкнитесь в пятнадцатую.

– Мне туда не надо!

Лейтенант с явной неохотой оторвался от детектива:

– Идите, куда велено.

Я вернулась в конец коридора, распахнула створку под номером «15» и увидела не кабинет, а небольшой тамбур, в который выходят три двери. На одной висела табличка «WC», на остальных красовались номера «15» и «16».

– Ну, что? – поторопила меня Розалия. – А то следователь вернется, мне при нем не выйти, скорей лопну, чем скажу мужчине о том, что мне нужно в туалет. Глупо, но меня так воспитали.

– Никого нет, – заверила я.

Вдова вскочила:

– Сделайте одолжение, постойте у входа в сортир, не пускайте туда людей.

– Нет проблем, – закивала я, – непременно выполню вашу просьбу, но лучше закрыться на шпингалет.

– Он сломан, – с улыбкой пояснила Розалия, уже заглядывая в уголок задумчивости. – Пожалуйста, покараульте снаружи и, если кто рваться начнет, остановите.

– Занимайтесь своими делами спокойно, – заулыбалась я.

Розалия шмыгнула в санузел, я заняла пост у двери.

Через мгновение в тамбурочек вошел Федосеев. Увидав меня, он открыл рот, но я крикнула:

– Мужчина, туалет занят, там женщина! Подождите.

Иван округлил глаза, на цыпочках приблизился ко мне и прошептал:

– Майкова где?

Я ткнула пальцем в дверь.

– Почему ты разрешила ей выйти? – старательно не повышая голос, попытался возмутиться Иван.

– Хочешь распутать дело и попасть в отдел к Дегтяреву? – прошипела я.

Федосеев закивал.

– Тогда уходи, – велела я, – и не появляйся четверть часа. Мы уже почти подруги, Розалия приняла спектакль за чистую монету, сейчас выйдет из сортира и попросит еще о чем-нибудь. Главное, не мешай.

Иван испарился, а я осталась. Через пять минут у меня заломило спину, через десять в душу закралось беспокойство.

Я постучала в дверь.

– Эй! Вы там как?

Ответом послужила тишина.

– Ау, отзовитесь!

Снова молчание.

– Розалия, вам плохо? – не на шутку забеспокоилась я и тут же прикусила язык.

Ну откуда абсолютно посторонняя женщина может знать имя той, с которой впервые встретилась? Ощущая себя полнейшей дурой, я приоткрыла дверь в туалет и чуть не задохнулась от вони. Да уж, от подобного амбре легко лишиться чувств.

– Вам нехорошо? – выкрикнула я. – Простите, но вынуждена зайти. Понимаю неприличность своего поведения…

Продолжая болтать, я вошла в небольшой отсек, где справа висела эмалированная раковина с ржавыми потеками над решеткой слива, из стены выглядывал «носик» темно-коричневого крана. На меня мгновенно налетели воспоминания: вот я, маленькая девочка, пытаюсь самостоятельно умыться в огромной ванной комнате нашей коммунальной квартиры… руки тянутся к раковине… входит бабушка Афанасия…

Я потрясла головой, отгоняя ненужные видения, и осторожно постучала в фанерную дверку одной из кабинок.

– Вы тут?

Тишина.

– Ау! Как дела?

Ответа не последовало, я глубоко вздохнула и раскрыла хлипкую дверку. Никого. Унитаз без круга, оббитый бачок, никакого намека на туалетную бумагу, мерзкий запах и полнейшая пустота.

Беспокойство стало сильней. Я решила, что Розалия сейчас лежит без сознания в другой кабинке, лишившись чувств от гнусной вони. А вы бы о чем подумали? Никаких окон в туалете не имелось, бежать отсюда нет возможности.

Носком туфли я распахнула вторую дверь и приготовилась увидеть скрюченную фигуру Майковой, но перед глазами вновь простерлась пустота.

Сердце бешено заколотилось от предчувствия беды. Я уронила на щербатую плитку свою супердорогую сумочку, подняла ее, а потом весьма тупо спросила:

– Розалия, где вы спрятались?

За спиной послышался тихий шорох, я обернулась. В санузел впихивался Федосеев.

– Что тут происходит? – трагическим шепотом осведомился он.

Я попытался взять себя в руки, но с первой попытки мне это не удалось.

– Э… э… – вылетело из груди, – о… у…

– Где Майкова? – добавил децибел в голос Иван.

– Не знаю.

– То есть как?

– Она захотела в туалет и попросила покараулить снаружи. Сказала, шпингалет испорчен, вдруг кто войдет…

– Дальше! – нервно перебил Федосеев.

Я пожала плечами:

– Исчезла. Ума не приложу куда, вокруг сплошные стены.

Иван задрал голову вверх.

– А там что?

Я последовала примеру следователя и вновь уронила ридикюльчик. После многократного падения на пол этого туалета дорогостоящий аксессуар придется выбросить, мелькнула неподходяшая к ситуации мысль.

Под самым потолком имелась небольшая распахнутая фрамуга.

– Так что? – в изнеможении повторил Иван.

– Окошечко, – глупо хихикая, ответила я, – но очень маленькое!

Федосеев замер, а я продолжала вещать:

– Через него никому не пролезть, не следует даже пытаться, узкая щель, в такую и собаке не выскочить.

– Встань на бачок, – обморочным голосом приказал Иван.

Я осеклась.

– Что?

– Влезь на сливную емкость. Живо!

Слегка испугавшись, я начала выполнять приказ и мгновенно увидела два симпатичных нежно-голубых мокасина, валявшихся за унитазом.

– Ой, тут обувь…

– Понятненько, – процедил Федосеев, – босиком ловчее орудовать. Ну, не тормози, действуй!

Сопя от напряжения, я вскарабкалась на бачок и поняла, что фрамуга не так уж и высоко, и она вовсе не щель. Во всяком случае, я, слегка ободрав бока, сумела бы вылезти наружу. Сразу вспомнилось, как выглядела Розалия – крохотная, тощенькая, бледная, словно обезжиренный кефир.

– Там улица, – ответил на собственный незаданный вопрос Иван, – а рядом метро.

– Надо скорей ловить беглянку! Она далеко босиком не уйдет! – закричала я.

– Сейчас лето, – напомнил Федосеев. – Впрочем, думаю, Розалия, на которой висят три убийства, и в январе без сапог бы по льду понеслась. Все. Это конец.

Следователь прислонился к стене. Дверь туалета скрипнула, я вздрогнула и живо спрыгнула с бачка.

– Ой, простите! – воскликнула полная тетка в ярком цветастом сарафане. – Тут для женщин или для мужчин?

– Здесь унисекс, – бойко ответила я и уволокла Ивана в кабинет.

Глава 5

Оказавшись на рабочем месте, Федосеев слегка взбодрился. Но только слегка.

– Мне крышка, – сказал он. – Выяснится, что мы с Сашкой придумали, и прощай, служба.

– Нет никакой необходимости докладывать о случившемся, – улыбнулась я. – Розалия просто удрала.

Неожиданно на лице Ивана появилась озорная улыбка.

– И как она это проделала?

– Да очень просто, – хмыкнула я. – Расскажешь правду: вышел из кабинета, а бабенка мигом сориентировалась.

Иван включил стоявший на краю стола чайник, потом неожиданно ткнул в него пальцем.

– У нас все подчинено инструкциям, распоряжениям и приказам. Например, держать в кабинете кипятильник я не имею права, только на мелкое нарушение внутреннего распорядка никто не обращает внимания. А побег Майковой… Давай не стану сейчас перечислять, на какие правила я наплевал, оставив Розалию в одиночестве. Самое малое, что мне вменят, – халатное отношение.

– Надо позвонить Дегтяреву, – засуетилась я.

Федосеев глянул на часы:

– Сашка в самолете, летит в Екатеринбург.

– Ты уверен?

Иван кивнул:

– Абсолютно. Он мне звякнул только что на мобильный. Думаю, почти в тот самый момент угодил, когда Розалия из фрамуги вылезала. Сказал: «Давай, Ванек, работай. Дарья ловкая, она непременно поможет, развяжет тетке язык. Появится ниточка, потянешь – и готово. Меня срочно в Екатеринбург послали, вернусь через пару дней, ты как раз успеешь дело оформить».

– Значит, у нас имеется время, – скривилась я.

Федосеев мрачно посмотрел на стол и не ответил. Вдруг меня осенило.

– Стой! Насколько я поняла, срок содержания Розалии под стражей истекает?

– Да, сегодня вечером, – подтвердил Иван. – Поэтому я так торопился, думал, она тебе чего наболтает.

– Майкова знала, что ее выпустят? Хотя глупый вопрос, зачем ей тогда бежать.

– Ее никто не предупреждал, – кивнул Иван. – Я же чувствую, она виновна!

– А как поступают, если в наличии только чутье, а улик нет?

– Отпускают, – мрачно ответил Федосеев. – Но…

– Давай без всяких тонкостей. Ты мог ее отправить домой?

– Теоретически – да.

– Вот ты это и сделал! Никто не виноват. Розалия Майкова покинула кабинет с разрешения следователя.

Федосеев засмеялся.

– Ты полагаешь, отправить задержанную домой просто? Сказал: «Вы свободны», и ку-ку?

– А что еще?

Иван начал перекладывать бумажки, в беспорядке заваливавшие стол.

– Тут целая волокита, вплоть до выдачи личных вещей. Не один час пройдет, пока человека оформят.

Я было загрустила, но через пару секунд поняла, как следует действовать.

– Значит, милиционер говорит: «Вы свободны», и заключенного начинают готовить к выходу.

– Ну… в принципе так, хотя в действительности…

– Отлично, – оборвала я Федосеева. – В таком виде версия будет выглядит убедительно: объявил Майковой об освобождении, вышел на минуту из кабинета, а Розалия, незнакомая с процедурой, посчитала, что может уходить, и адью!

– Я идиот?

– Слегка. Но это лучше, чем все остальное!

Федосеев нахмурился:

– Уж и не знаю…

– Зато я не сомневаюсь, что так ты сумеешь выпутаться из глупой ситуации. Никому не рассказывай о фрамуге и туалете, а тверди: она ушла, сочтя себя свободной. Я же тем временем займусь проблемой.

Иван с тоской глянул на меня.

– Какой?

Все-таки мужчины морально более слабы, чем женщины. Ну почему Федосеев превратился в кисель? Главное в нашей жизни – не терять надежду и никогда не сдаваться, выход найдется даже из тупика. Если вас замуровали в бетонный мешок, не стоит ныть и плакать, лучше от слез не станет. Следует царапать стену, авось проковыряете дыру и удерете. Не прощайтесь с жизнью, даже если вас переехал поезд!

– Вань, – ласково сказала я, – у нас имеется пара суток до возвращения Дегтярева и плюс к ним время до прилета в Москву генерала. Итого примерно две недели. Ты теперь не один, рядом буду я. Чувствую себя, с одной стороны, виноватой – не смогла выполнить просьбу Дегтярева, с другой – ущемленной – Розалия ловко обвела меня вокруг пальца. Может, я и кажусь никчемным существом, но на самом деле способна на многое.

– Я уже понял, – ехидно отметил Иван.

– Непременно отыщу Розалию и добуду необходимые доказательства ее виновности! – заявила я, не обращая внимания на его ехидство.

– М-да… – горько вздохнул Федосеев. – Сел я в такую лужу, что придется соглашаться и на твою поддержку. Хотя тихий внутренний голос подсказывает: «Ваня, не связывайся с ней, хуже будет!»

– Накрой свой тихий внутренний голос тазом и подумай, что любая помощь – тоже дело! – разозлилась я. – Сказано же, вытащу тебя из беды. Живо сообщи домашний адрес Розалии!

– Ой, не могу! – фыркнул Иван. – Так она тебе и вернется по месту проживания!

– Не спорь!

Федосеев порылся в кипе бумаг на столе, вытащил листок и, прищурившись, прочитал:

– Москва…

– Город можно опустить! – в нетерпении воскликнула я. – Ясное дело, она из столицы.

– Ну не совсем так, – хмыкнул Иван. – Розалия Михайловна Ломоносова прибыла в Москву из Архангельска. Вернее, она обитала в небольшом местечке под названием Сныть. Отец Розалии, Михаил Васильевич Ломоносов…

– Сын обеспеченного купца, – перебила я Ивана, – пришел вместе с рыбным обозом в Москву, выучился, основал университет, писал оды на восшествие цариц на трон, пользовался уважением окружающих. Не кажется ли тебе, что дочурка ученого и поэта на редкость хорошо сохранилась? Ей уж небось около трехсот лет, а смотрится новенькой.

– Не понял? – оторвался от чтения Федосеев.

– Хватит шутить, времени мало! Посмеялся, и ладно!

– Но ее отца на самом деле звали Михаил Васильевич Ломоносов, – растерянно произнес следователь. – Смотри.

Я цапнула листок и возмутилась:

– Ну и странные случаются люди! Зачем называть ребенка точь-в-точь как исторический персонаж?

– Считаешь эту проблему сейчас главной? – на полном серьезе осведомился Федосеев.

– Рассказывай все, что известно о Розалии! – велела я, решив не реагировать на колкие замечания.

Федосеев начал выдавать информацию, и очень скоро мне стало понятно, по какой причине мужик до сих пор сидит в районном отделе, не продвигаясь по службе. Может, Александр Михайлович прав, считая бывшего однокурсника крепким профессионалом, вполне вероятно, что Дегтярев и не ошибается, но в случае с Розалией действия следователя выглядели беспомощными.

Иван выяснил о Розалии лишь общие данные. Младшая дочь Михаила Васильевича Ломоносова была в городе Сныть яркой звездой. Розочка громче всех пела, ловчее танцевала, а когда в населенном пункте образовалась своя команда КВН, стала ее постоянной участницей. Закончив школу, Розалия не пожелала остаться в Сныти. Да и что хорошего ждало ее там? Предстояло выйти замуж за одного из местных парней, нарожать сопливых детей, растолстеть и потом всю оставшуюся жизнь бороться с алкоголизмом супруга, собирать деньги, желая купить машину-дачу-ковер-шубу, и любоваться в телевизор на красивых людей, которые не влачат жалкое существование, а живут весело, богато, счастливо.

Вопреки воле родителей Розалия уехала из Сныти, причем не в Архангельск, а в далекую Москву. Домой Ломоносова никогда не возвращалась, писем не присылала. От нее через месяц после побега пришла лишь короткая весточка: «Поступила в институт назло вам. Прощайте. Если увидите мое фото в журналах, лопните от зависти. Вы в меня не верили, вы мне не нужны. Нам не о чем

разговаривать и нет необходимости встречаться». Письмецо было написано торопливым почерком – похоже, что отречение от родной семьи девушка составила впопыхах.

Розалия полностью выполнила обещание – в Сныть она не приезжала, родителям не звонила. Старшая ее сестра Нина не сумела даже сообщить ближайшей родственнице о кончине сначала отца, а потом и матери: следы девушки затерялись в Москве. Единственное, что мог разузнать Федосеев: ни в одном высшем учебном заведении столицы Розалия Михайловна Ломоносова не обучалась.

Выплыла из небытия первая красавица Сныти лишь после бракосочетания с Павлом Майковым. Собственно говоря, это все. Где жила до того Розалия, чем занималась, покрыто толстым слоем пыли. Правда, Нелли Семеновна, придя к следователю, заявила: «Да она проститутка! Прошмандовка без роду и племени!»

Но ведь свекровь способна и не на такие высказывания. Осталась неясной и причина, по которой Розалия отравила мужа. Та же Нелли Семеновна в запале восклицала: «Павлик мерзавку из грязи вытащил, отчистил, отмыл, одел, обул, а она отблагодарила!»

Иван, которому назойливая госпожа Майкова-старшая со своими требованиями арестовать невестку надоела хуже ежедневного завтрака из одной черной икры, не удержался от замечания:

– Павел, по вашим словам, был умным, самодостаточным человеком. Зачем ему, как вы выражаетесь, проститутка?

Нелли Семеновна сложила губы куриной гузкой.

– Уважаемый Иван Николаевич, мужчины любят женщин лишь по одной причине. Если она красива, и умна, и талантлива, и домовита, но в постели лежит бревном, то ничего хорошего не получится. У нас в стране неправильно воспитывают девочек, им следует тренировать не ум. Вот у Розалии проблемы с нижним этажом не имелось, профессиональная выучка, на это наивного Павлушу и взяла. А потом успокоилась, поняла, что стала приличной, замужней женщиной, и перестала работать в постели. Вот тут-то у Павла и открылись

глаза. Мужчины, поняв, что половой интерес к партнерше иссяк, живо трезвеют. Вот Павлуша и снял розовые очки, только при обычном свете Розалия неприглядно смотрелась. Сын наконец-то осознал, что совершил ошибку: рядом с ним не та женщина. Но он и предположить не мог, насколько «не та». После крупного разговора Розалия испугалась, присмирела, попыталась вернуть любовь мужа, но в одну воду невозможно войти дважды. Девке стало ясно, что развод грянет неминуемо, и она решила: лучше стать вдовой. По закону жена – наследница первой очереди.

– У вас есть доказательства того, что Розалия до свадьбы с Павлом Майковым вела аморальный образ жизни? – вздохнул Иван. – Можете назвать ее клиентов или коллег? Готовы сообщить имя ее мамки, сутенера, охранников?

Нелли Семеновна вскочила:

– Я в подобных гадостях не разбираюсь. Но всем известно: Розалия гетера!

– Кому «всем»? – решил ущипнуть вредную тетку Федосеев.

– Людям вокруг, – не сдалась мать Павла.

– А именно? Назовите фамилию.

– Вам не хватает моих слов? – возмутилась посетительница. – Ну, допустим, Алина, дочка моей лучшей подруги.

– Дочь вашей лучшей подруги тесно общалась с Розалией до ее свадьбы с Павлом? – решил уточнить Иван.

– Нет! – взвилась Нелли Семеновна. – Алиночка совсем из другого теста, умница, кандидат наук, она познакомилась с мерзавкой уже после похода Павлуши в ЗАГС. Мы с подругой надеялись, что наши дети полюбят друг друга… Да бог с ней, с любовью, пусть бы просто поженились, чувство рождается и в браке. Но нет, не случилось счастья. Теперь Павлуша в могиле, Алина до сих пор одинокая, а у меня дома хозяйничает проститутка. Не спорьте, она продажная тварь! Вызовите ее к себе и спросите: «Зачем отравила мужа?»

Ивану оставалось лишь тупо кивать и ждать, когда мать покойного устанет разглагольствовать и уйдет прочь. Естественно, Федосеев не воспринял слова обозленной посетительницы всерьез.

И больше следователь ничего не узнал. Какая по характеру Розалия? Что любит, чем увлекается, с кем дружит? Имелись ли у нее разногласия с мужем? Правда ли, что брак пары балансировал на грани развода? Все эти вопросы остались без ответа.

Я встала:

– Хорошо, тогда я поехала.

– Куда?

– Для начала на квартиру к Розалии. Она удрала отсюда с голыми, в полном смысле слова, ногами. Денег, насколько понимаю, у мадамы с собой тоже не имелось. Ей элементарно потребуются туфли, даром даже тапки никто не продаст, следовательно, милашка вынуждена будет хоть на секунду, да заскочить в родные пенаты – переодеться, схватить купюры. Есть шанс застать красавицу в ее собственной ванной.

– Послать к ней парней? – задумчиво протянул Иван. – Но тогда придется признаться в побеге.

– Сама справлюсь, – отмахнулась я.

– Все-таки сомневаюсь, что Розалия порулила по месту прописки, – снова занудил Федосеев. – Она, похоже, далеко не дура. Зачем зря ноги бить, лучше поискать по знакомым, подругам…

Я с тоской посмотрела на испорченную сумочку. Увы, ридикюль, два раза шлепнувшийся в зловонную лужу, пропал. Точно, надо вытряхнуть содержимое и выбросить дорогущее изделие из кожи. Похоже, в этой истории меня подстерегают одни лишь потери да неприятности.

Иван с аппетитом чихнул, полез в карман, потянул оттуда грязный носовой платок и сшиб локтем со стола телефон. Допотопный аппарат упал на пол, жалобно крякнул и отбросил наборный диск.

– Вот черт… – пригорюнился Федосеев и начал осторожно собирать его останки.

– Жаль, – усмехнулась я, – прослужи он у тебя еще пару лет, ты мог бы продать раритет и получить громадные деньги.

– Шутишь? – простонал Иван.

– Серьезна, как никогда! – заверила я. – Знаешь, что такое антиквариат?

– Старые, грязные вещи, за которые идиоты-коллекционеры платят бешеные бабки, – пропыхтел следователь.

– Приблизительно так, – закивала я, – но есть нюансы. Имелась, к примеру, у тебя дома табуретка, обшарпанная уже деревяшка, купленная в невесть каком году неизвестно где прапрапрадедушкой. Ты собрался избавиться от древней уродки, но потом вдруг узнаешь: ужасная мебель именно из-за своей древности перестала быть позором семьи, с течением времени она превратилась в бесценную вещь, устроители антикварных аукционов готовы выставить ее за сумасшедшие деньги… Собери аппарат и спрячь, через сто лет внуки тебя благодарным словом вспомнят.

– Хорош стебаться! – нервно хихикнул Иван. – Мне из своего кармана за новый аппарат платить придется.

Я понаблюдала еще некоторое время за попытками Федосеева реанимировать телефон и, прихватив листочек с информацией о Розалии, ушла.

Если бы не Дегтярев, ни за какие коврижки не стала бы помогать Ивану. Интересно, почему Александр Михайлович так хочет перетащить увальня к себе в отдел? Федосеев совершенно не производил впечатления суперпрофессионала. Самый обычный, уставший от рутинно-тягомотной службы мент. И, похоже, жадный – так долго охал и причитал над испорченным телефоном, явно ожидая от меня слов: «Не расстраивайся, сейчас сгоняю в

магазин и приволоку тебе современную радиотрубку. Я девушка обеспеченная, даже не замечу подобной траты».

С одной стороны, верно: покупка стоимостью в сто долларов не пробьет брешь в моем бюджете. С другой – не я роняла телефон. А мужчина – на то он и мужчина, чтобы самостоятельно справляться с любыми трудностями. Парни, пытающиеся перевалить бремя ответственности на хрупкие женские плечи, никогда не вызывали у меня восторга. Федосеев не понравился мне сразу, а сейчас я была просто уверена: следователь идиот. Но ведь помочь ему просил Дегтярев, так что делать нечего, придется впрягаться в телегу. Представляю, какой крик поднимет приятель, узнав, что я совершенно случайно поспособствовала побегу Розалии! Конечно, я не хотела подобного поворота в развитии событий, но поди разъясни ситуацию толстяку… Ладно, в запасе имеется как минимум пара дней, очень вовремя полковник улетел в Екатеринбург.

Полная энтузиазма, я выскочила из отделения, пробежала несколько метров и увидела… Хуча.

Бежево-палевый мопс с сопением обнюхивал стену дома.

– Ой, – притормозила я, – миленький Хучик! То есть нет, это не он, конечно. Хуч сидит дома… А тебя как зовут?

Более идиотского вопроса по отношению к собаке и не придумать. Вряд ли можно ожидать, что пес встряхнет головой, протянет правую лапу и с достоинством ответит: «Разрешите представиться – Полкан, к вашим услугам».

Но подавляющее число любителей животных при встрече с милым четвероногим повело бы себя так же, как я.

– Это Зифа, – послышалось сбоку.

Я повернула голову и в непосредственной близости увидела симпатичную девочку лет четырнадцати, одетую в короткую джинсовую юбочку и ярко-красную футболку.

– У нас тоже мопс, – мигом вступила я в разговор, – мальчик, Хуч.

– Полное имя Зифы – Жозефина, – заулыбалась незнакомка. – Я фанатка Жанны Фриске, у ней тоже мопсиха живет, Зифа, вот я и назвала свою в честь нее. Супер?

– Супер, – ответила я. – Можно погладить мопсиху? Хотя лучше не надо, руки грязные.

Девочка засмеялась:

– Зифа тихая, скромная, не бойтесь.

– Просто опасаюсь заразить собачку, – объяснила я свою позицию. – Лично мне не нравится, когда посторонние люди ласкают моих псов.

– Трогайте сколько хотите!

Я наклонилась, Зифа подняла темную мордочку и со стоном вздохнула:

– А-а-а-ах…

– Мопсиха, похоже, чем-то расстроена, – отметила я.

Девочка засмеялась:

– Точно. У нее течка, а свадьбу играть злые хозяева не разрешают. Не хотим щенков.

– В этом случае гуманнее стерилизовать животное, – подсказала я.

– Мы поэтому и гуляем на улице, – пояснила девочка. – Во дворе стая бродячих песиков поселилась, они милые, их кормят, но сегодня, как Зифу увидели, просто офигели.

– Кобелей можно понять, – усмехнулась я.

– Ой! – воскликнула девочка. – Вот блин!

Хорошенькое личико незнакомки вытянулось.

– Что-то случилось?

– Да вы про кобелей сказали, и я вспомнила, что муж как раз сейчас звонить должен, а я мобильный дома забыла!

Я вздрогнула. Муж? Сколько же лет владелице Зифы? И потом, что у них за взаимоотношения в семье, если при упоминании слова «кобель» жена мигом думает о супруге?

– Сделайте одолжение, подержите Зифу, я за мобилой сношусь, – говорила между тем хозяйка мопсихи.

– Ну… хорошо, – после некоторого колебания согласилась я. – А собачка не станет нервничать?

– Она даже не заметит отсутствия Лерочки, то есть моего. Сгоняю за секунду, только вверх-вниз, трубка в прихожей валяется. Ой, спасибо! – воскликнула собеседница и унеслась.

Я осталась с Зифой. Очень не люблю женщин, которые, поджимая губы, бубнят: «Ох уж эта молодежь… Несерьезные, безответственные, ничего делать не хотят… Да я в их возрасте…»

Ну, не надо про возраст! У Машки когда-то была учительница русского языка, Раиса Ивановна, она старательно мучила девочку и довела несчастную почти до нервного истощения. Один раз Раиса Ивановна, постукивая карандашом по столу, привычно завела:

– Маша, ты наш позор! В диктанте у тебя целая одна ошибка! Как не стыдно? Ужасно! Два! Нет, кол. А еще лучше – ноль. Отвратительно! Пушкин в твоем возрасте учился на одни пятерки!

И тут Маруська, долго терпеливо молчавшая, не выдержала.

– А в вашем возрасте Пушкина давно застрелили, – заявила ученица. – И он, кстати, успел все написать. Я-то, может, еще и сумею его догнать, в творческом плане, а вам точно не удастся!

Мой вам совет: никогда не щеголяйте прожитыми годами в присутствии подростков, лучше гордиться чем-то вполне конкретным: написанными трудами, построенными домами, сшитыми платьями. Я, конечно, не одобряю Машкиного хамства, но и не уважаю людей, считающих себя образцом для подражания только потому, что они дольше жили на свете.

Однако сейчас, крепко сжимая поводок, на другом конце которого меланхолично сопела Зифа, я, словно вредная бабка, подумала: «Ну и ну! Какая нынче молодежь пошла – девчонка совершенно спокойно всучила собаку неизвестной женщине и ушла. Вопиющая безответственность, безалаберность, безголовость, бездумность и беспечность!»

Глава 6

– Безобразие! – рявкнули за спиной.

– Абсолютно с вами согласна, – живо кивнула я, – подобное поведение отвратительно.

– Еще издевается! – с полнейшим негодованием продолжил бас.

Я подняла голову и обнаружила около себя крепкого мужика в милицейской форме.

– Немедленно прекратите это, – заявил он.

– Простите, вы ко мне обращаетесь?

– К тебе!

– А почему так невежливо? Мы с вам близко не знакомы.

– Ну, ваще! Глянь, чем твоя собака занимается!

Я глянула на Зифу.

– Писает.

– Во! А где?

– На улице.

– Безобразие!

– Вполне разделяю ваше негодование. Но, с другой стороны, в Москве ведь практически нет площадок для выгула. И если, так сказать, большую непристойность можно и нужно убирать в мешочек, а потом выбрасывать в помойку, то как поступать с малой? Лужу ведь не вытереть.

– Всех собак пора пристрелить, – побагровел мент.

– Тогда уж и людей тоже, – не сдалась я. – Они еще худшие грязнули! Ну-ка, посмотрите на автобусную остановку – шелуха от семечек, окурки, бумажки… Да ни одно животное не оставляет после себя подобной горы мусора!

– Ваша собака ссыт на отделение милиции, – окончательно разъярился долдон в форме.

Как назло, Зифа продолжала меланхолично сидеть около стены дома, из-под ее толстой попы медленно растекалась лужица. Мне стало смешно.

– Мопсиха не способна произвести упомянутое вами действие в отношении всего отделения милиции. Она просто пристроилась около здания, где находится учреждение.

И без того не слишком большие глаза милиционера превратились в щелочки.

– Слишком умная, да? Образованная?

– Верно, у меня есть диплом преподавателя.

– А ну, ступай в отделение!

– По какой причине?

– Нечего ссать на милицию!

– Данным действием занимается собака, – напомнила я, искренно удивленная размерами мочевого пузыря Зифы.

Впрочем, может, несчастную не выводили неделю? С такой безалаберной хозяйкой, как Лерочка, это совсем даже неудивительно!

– Двигай вперед! – заорал милиционер. – Ты владелица, тебе и отвечать!

Я усмехнулась. Если человек гуляет с собакой, из этого не вытекает автоматически, что он ее хозяин. Об услуге могли попросить приятеля, соседа, а кое-кто нанимает животному няньку.

– Если сейчас добровольно не явишься в отделение, применю меру задержания в виде нахождения под стражей! – пригрозил впавший в раж представитель правоохранительной структуры.

– Вызовете ОМОН? – улыбнулась я. – Лучше разойдемся друзьями. Если вас, как человека в погонах, обидела писающая около стены здания, в котором находится отделение, собачка, то готова принести вам глубочайшие извинения. Простите Жозефину, она маленькая и не очень понимает…

– Ну уж нет! – заорал дурак. – Шагом марш в отделение! Предъяви паспорт! А эти откуда? Эти твои?

Сообразив, что общаюсь с психически неуравновешенным человеком, я спокойно спросила:

– Кого имеете в виду?

– Иметь сейчас станут тебя, – пообещал дядька.

– Ну, хватит! – рассердилась я. – Представьтесь по форме: имя, фамилия, звание. Кстати, если задерживаете, у меня есть право на телефонный звонок и сейчас вызову сюда одного из лучших адвокатов России… э… Павла Астахова! Именно его!

– Что?! – гаркнул мент и вдруг совершенно по-бабьи взвизгнул: – Ой! Немедленно убери его!

На секунду я удивилась, но тут увидела, что к ногам злобного дядьки подбирается здоровенный рыжий пес. Кобель нервно понюхал ноги замершего от страха мужчины, потом задрал лапу…

– Это не моя собака, – с некоторым испугом живо сказала я, – мы с ней даже не знакомы…

Не успела я договорить фразу, как из-за угла вынырнул еще один «мальчик», по виду похожий на дальнего родственника ротвейлера. Следом появилась парочка лохматых псов размером с хороших телят, штук пять мелких шавок и слонопотам, смахивающий на бегемота, покрытого шерстью никогда не стриженной овцы. Зифа отчаянно заскулила. Рыжий кобель сделал шаг к мопсихе, черный зарычал, дальний родственник ротвейлера оскалил зубы, слонопотам заворчал, а я похолодела.

Все владельцы собак отлично знают: когда у их любимицы «дамские неприятности», самое страшное, что может случиться, так сказать, в критические дни, это встреча со стаей бродячих кобелей. Живо подхватив поскуливающую мопсиху, я прижала ее к груди и велела менту:

– Быстрей в отделение, иначе нас разорвут!

– А че они хотят? – севшим голосом поинтересовался грубиян.

– Потом объясню, скорей в укрытие, – приказала я и мелкими шажками двинулась вперед.

В этот самый момент дальний родственник ротвейлера издал грозное рычание, Зифа засуетилась, ухитрилась выскользнуть из моих рук и шлепнулась прямо у ног мента.

– Эй, – завизжал тот, – не вздумай опять поссать!

Но Зифа мигом пописала, и мне оставалось лишь удивляться способности мопсихи.

Гневный вопль человека послужил детонатором взрыва – вся стая псов налетела на дядьку. Вернее, кобели мечтали добраться до Зифы – в этот момент милиционер не представлял для них никакого интереса. Но мужчина явно не разобрался в ситуации.

С воплем: «Помогите, убивают!» – он рухнул на тротуар.

В минуту опасности я в отличие от большинства граждан не теряю ума и сообразительности. Поняв, что самостоятельно не сумею выручить ни милиционера, ни Зифу, я рванулась в отделение и с порога заорала:

– На помощь!

Восседавший за стеклом парень даже не дрогнул. Я подлетела к дежурному и завопила:

– Скорей!

– Имя, фамилия, отчество, год рождения, – лениво откликнулся тот.

– Дарья Васильева! Там драка!

– Где?

– На улице.

– И чего?

– Немедленно помогите! Его загрызут!

– Кого?

– Человека!

– Имя, фамилия, отчество, год рождения, – равнодушно повторил дежурный.

– Уже говорила. Дарья Васильева.

– Не ваши данные.

– А чьи?

– Участников драки.

Настал мой черед изумляться. Вместо того чтобы схватить табельное оружие и ринуться на помощь, юноша желает уточнить детали анкеты?

– Не знаю имени.

– Зачем пришли?

– Там побоище! Прямо у дверей отделения.

– Охо-хошеньки… – протянул парень. – Ну, блин, ваще! Вы че так разволновались? Ну не поделили люди ерунду, сейчас в грызло друг другу насуют и разойдутся.

– Это не люди! Вернее, один человек имеется, но остальные…

– Крокодилы, – фыркнул дежурный и зевнул.

Но уже через секунду он вышел из нирваны. Дверь в отделение распахнулась, появилась поджавшая хвост Зифа. Встряхнувшись, собачка шмыгнула в коридор.

– Эй, стоять! – забеспокоился парень. – Во народ, ваще офигеть! С животными сюда нельзя, от них инфекция!

Я хотела ринуться за Жозефиной, но не успела сделать шаг – в отделение ввалился тот самый мент-грубиян. Но в каком он был виде! Рубашка на мужчине висела клочьями, брюки превратились в тряпку, волосы стояли дыбом, руки и части обнаженного тела покрывала грязь.

– Андрей Сергеевич! – ахнул дежурный.

– Федор… – простонал мужчина.

– Что с вами? – бросился вперед Федор.

– Говорила же, там драка, – напомнила я.

– Почему не сказала, что на нашего начальника напали? – заорал дежурный.

– На нем не написано, кто он, – логично возразила я. – И потом, красиво получается: если начальник, то станем выручать, если простой гражданин, то пусть его мутузят. Так, что ли?

Но Федор не слушал меня. Сначала он дотащил начальство до ободранной лавки, усадил на нее Андрея Сергеевича, затем бросился в дежурку и, забыв закрыть за собой дверь, начал раздавать по телефону нервные указания:

– Серега, сюда, живо, вместе с Петькой! На Андрея Сергеевича напали!

– Ква-ква-ква, – понеслось в ответ из селектора.

Серая полосатая кошка, мирно спавшая на столе, лениво потянулась. Очевидно, она, как все сотрудники данного отделения, пока дело не затрагивало ее личные интересы, оставалась полнейшей пофигисткой.

– Скорей! – надрывался Федор.

И началось… Через настежь распахнутую створку в отделение стали просачиваться собаки. Андрей Сергеевич молнией метнулся в дежурку и попытался залезть на подоконник. Федор вытаращил глаза и заорал:

– Ну ваще! Пшли вон, уроды!

Но не тут-то было. Представьте себе состояние Федора, когда он увидел, что его рабочая каморка под завязку наполняется псами. Десяток плотоядных морд, тяжело дыша и пуская слюни, пытались добраться до стоявшего на подоконнике и верещавшего Андрея Сергеевича. Лично для меня поведение кобелей было понятно – Зифа ведь, вывернувшись из моих рук, шлепнулась на ботинки местного начальства и испуганно пописала на мокасины. Теперь от Андрея Сергеевича исходит совершенно восхитительный для бродячих Ромео запах. Вовсе не злобность, а основной инстинкт толкает стаю к менту-грубияну.

Но Федор в отличие от меня абсолютно не владел ситуацией. Единственное, что он успел сделать, это прикрыть голову планшетом и завизжать.

И вот настал час кошки. Полосатая пофигистка, разозлившись на непрошеных гостей, вскочила на четыре лапы и гневно высказалась:

– Мяуууу!

В дежурке повисла нехорошая тишина, морды повернулись к столу. Собачьи мозги пытались решить сложную задачу, что важнее: исполнить мужской долг или заняться охотой? В кискиной башке тоже закружились разнообразные соображения. Мурке следовало затаиться и замолчать, но, как все женщины, она не сразу правильно оценила ситуацию и категорически не умела держать пасть на замке, поэтому вновь произнесла:

– Мяу!

Правда, на сей раз возглас прозвучал тише. Стая рванулась к столу, Федор в мгновение ока тоже взлетел на подоконник и обнял Андрея Сергеевича – пара замерла, напоминая известную скульптурную композицию «Расстрел партизан». Кошка, наконец-то скумекав, что дело пахнет керосином, одним элегантным прыжком преодолела расстояние от стола до занавесок и повисла на давно не стиранной драпировке.

В ту же секунду все бумаги со стола были сметены, измяты и разорваны. Примчавшиеся на помощь сотрудники отделения сначала оторопели, а потом попытались растащить собак. Милиционеры хватали кобелей за хвосты, непрошеные гости огрызались, но не сдавались.

– Может, пристрелить их? – в азарте завопил кто-то.

– Я дежурку потом мыть не стану, – тут же отозвалась пожилая уборщица, спокойно наблюдавшая за побоищем. – Сами набезобразничаете, вам и с тряпкой бегать, я не нанималась полы за собаками тереть, хватит мне обезьянника. Кстати, Андрей Сергеевич, вы ведь премию обещалися выписать. И куда она подевалася?

Я начала пятиться в коридор. Необходимо отыскать Зифу и бежать отсюда, пока начальник топчется на подоконнике. Но не успела я сообразить, где может находиться Жозефина, как карниз с занавеской, на которой болталась кошка, сорвался и упал. По дороге деревяшка стукнула Федора, тот покачнулся, инстинктивно схватился за начальника, и группа «Расстрел партизан» спелыми грушами обвалилась на протертый линолеум.

– Они их разорвут! – зазвенел под потолком отчаянный крик. – Стреляй, пацаны!

– Ой, перестаньте, хлопцы, – топнула ногой уборщица, – как маленькие, право! Эй, собачки, гляньте сюда!

Стая замерла, блестящие карие глаза уставились на поломойку, в руках которой испускал замечательный запах батон колбасы.

– Ловите, – приказала бабка и ловко швырнула «Докторскую» на улицу.

Стая в едином порыве вынеслась вон, старуха захлопнула створку и заявила застывшим в молчании ментам:

– Все вы, мужики, одинаковые, что на двух, что на четырех ногах, – за жрачкой помчитесь, про любовь забудете.

– Какого черта, старая ведьма, ты раньше колбаску не вынула? – тихо спросил хорошо поставленный баритон.

– Так думала, справитеся, – хмыкнула бабка. – Эка трудность, собак прогнать. Вы мне, кстати, колбасу теперь должны.

– Помогите… – простонал начальник, выпутываясь из пыльных тряпок.

Подчиненные ринулись на зов. Андрея Сергеевича подняли, стряхнули с него кошку, сняли остатки занавески и усадили на стул.

– Задержите ее, – простонал начальник.

– Кого? – засуетились милиционеры.

– Бабу! Такую… ну… в общем, женщину! Это она все устроила, – закричал Андрей Сергеевич.

Я ужом скользнула внутрь отделения. Так, надо спасаться… Но не могу же я уйти без Зифы! Где она, кстати?

Чем дольше я бежала по коридору, тем тревожнее становилось на душе. В конце концов почти добралась до двери с номером «15», пнула ее и увидела в предбаннике Зифу… в компании с дальним родственником ротвейлера.

– Как вы сюда попали? – вылетел машинально вопрос.

– Гав, – ответила Жозефина.

Дальний родственник ротвейлера опустил голову.

– Ну и что нам теперь делать? – занервничала я.

Мопсиха завиляла хвостом. Слишком довольный вид Зифы навевал нехорошие подозрения, но я быстро успокоила себя. Кобель слишком велик, чтобы заняться любовью с мопсихой, ему придется для этого лечь на пол. Нет, мне в голову лезет невероятная глупость… Но как покинуть отделение, минуя дежурку? Озлобленный Андрей Сергеевич жаждет крови, хотя, если разобраться, ну чем я виновата…

– Гав, – буркнула Зифа.

– Вау, – подхватил кобель.

– Немедленно замолчите, – прошептала я и схватила Зифу. Слава богу, ярко-красный пиджачок сидел на мне свободно, и не слишком большая Жозефина легко влезла под одежду.

Пока я засовывала Зифу под майку, ротвейлер сорвался с места и исчез. Издалека полетели крики:

– Держи!

– Хватай!

– Бей его!

– Собак поймать не способны! Уроды!

– Мяууу!

– А-а-а!

Дзынь, дзынь, дзынь!

– Я осколки собирать не стану. И верните колбасу!

– Заткнись!

– Во дает! В окно сиганул и даже не порезался…

– Идиоты, кретины, дебилы!

– Сюда, сюда, Андрей Сергеевич…

– Ведите его в кабинет.

– Осторожно!

– Дайте холодной воды.

– Лучше водки.

– Я дежурку убирать не стану. И верните колбасу!

– Заткнись!

– Вызовите врача.

– Аккуратненько!

Захлопали двери, потом стало тихо. Крепко прижимая к себе присмиревшую Зифу, я дошла до выхода. Около вконец разгромленной дежурки маячил незнакомый милиционер. Беременная женщина, двумя руками придерживающая снизу большой живот, не вызвала у него никаких подозрений.

Я благополучно миновала пост и, сопровождаемая издали причитаниями лишившейся колбасы уборщицы, вышла на улицу. Зифа высунулась из-под футболки. Мопсиха живо сообразила, что опасность миновала и можно спокойно вылезать.

– Где твоя хозяйка? – занервничала я, возвращаясь к тому месту, откуда началось приключение, и тут же услышала бойкое:

– Заждались? – Из-за угла выруливала Лерочка. – Не устали?

– Нормально, – процедила я.

– Муж позвонил, козел, пришлось разговаривать. Вы в порядке? Она пописала?

– Да, причем не один раз.

– Ой, спасибо! Ну, пока!

– Желаю удачи, – помахала я в ответ рукой и пошла к своей машине.

– Гав, – понеслось мне в спину, – гав, гав.

Я обернулась.

– Она говорит «спасибо», – удивилась Лерочка. – Интересно, за что?

Глава 7

Квартира Розалии была опечатана, я внимательно оглядела бумажку. Похоже, ее не трогали, сбежавшая женщина домой не заглядывала. И что делать дальше?

Сходив на улицу, я купила в киоске журнал «Друг», уселась на ступеньки возле двери и стала читать статью про тойтерьеров. Минуты бежали, в конце концов стало понятно: Розалия не придет. Вдова неглупа: она, конечно же, сообразила, по какому адресу в первую очередь отправится наряд милиции.

Признав свое поражение, я стала звонить Федосееву.

– Сейчас не могу болтать, – нервно ответил Иван, – подъезжай к отделению через час.

Отсоединился следователь сразу, даже не выслушав мой ответ, а мне меньше всего хотелось возвращаться. Встреча с помятым в потасовке Андреем Сергеевичем не сулила ничего хорошего.

Желая изменить место встречи, я упорно пыталась снова соединиться с Федосеевым, но его телефон столь же упорно повторял: «Данный номер временно не обслуживается».

В общем, я доехала почти до нужного места, припарковалась на противоположной стороне улицы и увидела лоток, торговавший всякой всячиной.

– Кепка есть? – поинтересовалась я у продавщицы, толстой бабы в темно-оранжевой футболке.

– Слева гляди, – мрачно ответила торговка.

Я поворошила бейсболки.

– Они грязные.

– Знаю!

– Чистой не найдется?

– Нет!

Бабища явно не хотела общаться с покупательницей. Мне следовало уйти прочь, но желание изменить внешность перевесило естественную обиду.

– Может, панамку дадите?

– Тама, справа!

– Ой, они тоже в пыли.

– В курсе! Хорош выкобениваться! Не нравится – вали вон!

– Послушайте, – обозлилась я, – если станете вести себя подобным образом, ничего не заработаете. Хочу шляпу, с козырьком или с полями, еще темные очки и футболку, но только вещи должны быть чистыми, без пятен.

– Таких нет!!! Чего привязалась? От ведь народ…

Я медленно пошла к машине. Давно заметила: жара плохо влияет на москвичей. Столичные жители ждут не дождутся лета, только лучше им жить при прохладной погоде. Едва столбик термометра зашкаливает за отметку «30», с мужчинами и женщинами начинают твориться чудные дела – граждане становятся раздраженными, злобными, агрессивными. Зимой они просто жалуются и стонут, а летом злятся.

– Эй, постой! – крикнула торговка. – Девушка, тебе говорю! Нашла шапку.

Я развернулась и вновь подошла к лотку.

– Слышь, не обижайся, – протянула мне продавщица бейсболку.

– Нормально. Спасибо. Только и на ней пятно.

– Где?

– Вот, на козырьке.

– Ох, твою душу! Сука! Да не дергайся, не о тебе речь. Сегодня невезуха прет, – неожиданно начала жаловаться коробейница. – Сначала машина сломалась, еле-еле товар приперла на горбу. Потом «крыша» взбесилась. Район они делили, так два раза лоток переставляли, я прям упрела по солнышку таскаться. Только-только устаканилось, разложила шмотки – на тебе, баба бежит… Вернее, сначала подумала, школьница, потом пригляделась – взрослая. Но босая, на блузке пуговицы отвалились, юбка мятая… Ну натурально из психушки удрала!

– Босая? – насторожилась я.

– Ага, – охотно пояснила продавщица. – Конечно, сейчас тепло, но неужель ей не противно по пыли переть? Это я сначала так думала. А потом сообразила: ненормальная. Долетает она до моей точки, хватает молча тапки, бейсболку, майку… Ясное дело, я обозлилась и крикнула: «Положь на место, за так не даю! Хочешь – покупай». А она не слушает, цапнула еще и брючки – бежевые безразмерные бриджи. Я хотела стукнуть нахалку по рукам, да не дотянулась, а прилавок взял и сложился, шмотки разлетелись по тротуару. Всего-то несколько минут валялись, – причитала толстуха, – но вид потеряли, теперь никто брать не хочет.

– Можете припомнить, что она украла?

Продавщица стала загибать пальцы:

– Кепарик зеленый, надпись над козырьком белым сделана, слово написано не по-русски, а че – не скажу. Да вот такой, как тут лежат, сбоку.

Я глянула на бейсболки, потерявшие товарный вид. Ага, «Армано» там написано.

– Еще майку прихватила, – обиженно перечисляла лоточница, – ярко-красную, на ней белка нарисована, мультяшная. Дерьмо вещь, кстати, – один раз постираешь, и ку-ку, смоется картинка, но, пока новая, прикольно смотрится. Еще домашние тапки, бордовые, вроде сабо, на танкетке. И бриджи прихапать успела! Пока я в тряпках барахталась, она штанишки цап – и деру! Да уж, отличный денек вышел… А эта босая точно психопатка, на воровку никак не похожа. Те по-иному действуют, тихо тырят. Возьмут кепарик, померяют и просят: «Дайте на размер больше, желательно желтого цвета». Пару раз меня так подлавливали: отвернешься к сумкам, начнешь в них рыться, находишь нужное, выпрямишься, а покупательницы и след простыл, ушла вместе с кепкой. Во народ, чистые сволочи! А сегодняшняя наскочила молчком, внаглую… как есть из психушки. Эх, не словила я мышей… Ведь ментовка рядом, следовало вцепиться в нее, держать, орать… Одно утешение – она и Светку грабанула. Так ей, впрочем, и надо.

– Кого? – спросила я.

Продавщица злорадно ухмыльнулась:

– За дом заверни, там точь-в-точь такая же точка имеется, в ней Светка распоряжается, мы с ней от одного хозяина работаем. Только Светка хитрая, вечно про меня дерьмо льет, вот ей и вещи получше достаются, а оттого выручка больше получается. Ну и погорела она сегодня – у ней психованная нахалка кошель стырила. Да так ловко – другим поучиться! Пока я по кепкам убивалась, пыталась их отряхнуть, баба до Светки добежала и крикнула: «Там лоток стоит, бейсболками торгует, знаете?» Светка варежку-то и разинула, а тетка с ее пояса сумку хвать – и сорвала. Со всей выручкой! Вот пройда! Ну че, берешь кепочку? Это ж просто пыль, дома легко отстираешь, я тебе скидку сделала. Не сомневайся, выгодное приобретенье…

– Даша… – окликнул знакомый голос.

Я посмотрела в ту сторону – из новой «девятки» выходил Федосеев.

– Извини, опоздал слегка, – начал он оправдываться.

– Ерунда, провела время с пользой. Розалия, оказывается, – стала сообщать я случайно выясненную информацию Ивану, который тщательно проверил, хорошо ли заперт автомобиль, – украла тапки и идиотскую ярко-красную футболку. А еще у соседней лоточницы…

– Классная тачка? – перебил Иван.

– Хорошая машина, – кивнула я, – и цвет приятный, темно-синий.

– Позавчера купил, – похвастался Федосеев.

– Поздравляю.

– Не с чем.

– Ты не доволен приобретением нового автомобиля?

– Консервная банка! – фыркнул Иван.

– Вполне симпатичные колеса.

– Отечественное производство!

Я старательно заулыбалась. Если сейчас скажу, что «Жигули» намного лучше «БМВ» или «Мерседеса», мне никто не поверит. Вовсе не хочу обидеть российских рабочих и конструкторов, но автомобили в родимом отечестве получаются не ахти, только они относительно дешевые по сравнению все с тем же «БМВ» и доступны многим. Для мужчины машина – как для нас, женщин, сумочка. Можно купить фальшивый Луи Вуиттон и гордо ходить с ним по улицам, только внутри будет шевелиться червячок: сама-то хорошо знаешь, что аксессуар не подлинный, и это ущемляет самолюбие. А теперь представьте, какие чувства возникают у амбициозных парней, купивших новенькую и все еще престижную «девятку», когда их из левого ряда прогоняет нервно крякающий джип, за рулем которого сидит молоденькая блондинка…

Хотя нет предела совершенству. «Мерс» блекнет перед «Бентли», последний теряется на фоне «Роллс-Ройса» ручной сборки, а тот – ничто около автомобиля арабского шейха с рулем из чистого золота. Только мне всегда кажется, что смотреть надо не в сторону богатых, а в противоположном направлении. Вот какое количество людей с тяжелыми сумками и детьми топчется на автобусных остановках, а потом, стоя на одной ноге, едет в переполненном салоне, слушая ругань коллег по несчастью? А ты рулишь в «девятке», под аккомпанемент любимой радиостанции!

Но Иван, похоже, принадлежит к породе всем недовольных завистников.

– На качественный автомобиль башлей нет, – мрачно подвел Иван итог. – И цвет барахло.

– Зачем тогда брал?

– Ну не пешком же ходить, – сердито объяснил Федосеев. – Кстати, еще выплачивать кредит надо.

– Взял в долг у банка?

– Откуда у меня средства на тачку? Ясный пень, пришлось одалживать у хапуг, теперь на проценты работать стану, – зудел Федосеев, шагая к отделению.

Я плелась за Иваном, испытывая гамму разнообразных чувств. Следователь мне абсолютно не нравился. Этот человек, похоже, обладает всеми качествами, которые не приемлю в мужчинах: нытик, завистник, лентяй. Но ведь Дегтярев очень редко просит меня о помощи!

– У нее, – бурчал Федосеев, – нет ни кондиционера, ни коробки-автомата.

Я, решив не спорить со следователем, на автопилоте ответила:

– Абсолютно верно.

И тут Иван Николаевич замер, пошатнулся и начал медленно оседать на тротуар.

– Что случилось? – испугалась я.

– Нога, – одними губами произнес Федосеев и упал на асфальт.

Примерно через два часа я, уговорив «Скорую помощь» отвезти Ивана в клинику, где работает Оксана, слушала подругу:

– Сломал щиколотку. Теперь покой нужен! – объяснила Ксюша.

– Уж присмотри за ним…

Ксюша кивнула:

– Не переживай, у нас травматолог отличный, сделает, что надо. Но ему необходимо следить за собой. Похоже, Федосеев в спортзал не ходит, вот и результат. Ведь кости можно укрепить диетой и физкультурой.

– Где уж сотруднику райотдела милиции следить за собой… – горько вздохнула я. – Знаешь, как они живут? Утром в девять подъем, потом фитнес-клуб, бассейн, три часа работы, обед, сон, игра в теннис, поход в кино, в одиннадцать в кроватку. Думаю, Иван правильно питается: овощи, фрукты, белая куриная грудка, минеральная вода без газа. А главное, он абсолютно уверен в своем будущем, регулярно откладывает часть зарплаты в банк, копит на старость,

знает, что после увольнения из органов станет вести жизнь обеспеченного рантье, начнет ездить по миру, любоваться достопримечательностями…

– Ты серьезно? – спросила Оксанка. – Он служит в каком-то образцово-показательном месте?

– Просто глупо пошутила, – мрачно ответила я.

– В особенности по поводу спокойствия, – вздохнула Оксанка. – Пока Федосееву не сделали укол со снотворным, он был очень возбужден, постоянно твердил: «Убежала, убежала…» У него неприятности?

Я кивнула и ушла. Хватит пребывать в растерянности, мне необходимо срочно отыскать Розалию и добыть улики, свидетельствующие о том, что она – убийца. Я просто обязана выполнить просьбу Дегтярева, желающего перетащить Ивана в свой отдел. Зряшная, на мой взгляд, затея, но ему виднее, а он – мой лучший друг. Ну и каким образом Иван Николаевич, поправившись, сумеет оказаться под крылом у полковника? Только в случае восторженных воплей журналистов, сообщающих о раскрытии им хитроумного дела. Вперед, Дашутка! Цели поставлены, задачи определены, за работу, товарищ!

Глава 8

Учитывая остроту ситуации, я решила наплевать на приличия и сразу позвонила по одному телефону, который был указан на листке, данном мне Иваном.

– Алло, – ответил грустный голос.

– Позовите, пожалуйста, Волынкину.

– Слушаю.

– Мы не знакомы.

– Вполне вероятно.

– Меня зовут Даша Васильева.

– Что вам надо?

– Поговорить. Можно приеду?

– Сейчас?!

– Да. Конечно, понимаю, время позднее, но дело очень важное.

Из трубки послышалось покашливание.

– Девушка…

– Даша, – быстро напомнила я.

– Мне нет необходимости запоминать ваше имя, – схамила собеседница. – В базе ошибка. Вернее, не так. Я Волынкина, но не та. Ясно?

– Нет, – честно призналась я.

– Еще раз говорю, нет смысла приезжать. Я Волынкина, но не та, – вполне вежливо повторила Алина. – Вы откуда? Ювелирный бутик? Эксклюзивная мебель? Ничего такого не надо.

– Мне нужна Алина, дочь Зинаиды Райкиной, – терпеливо попыталась я объяснить проблему, – хорошая знакомая семьи Майковых.

– Ну, верно, – с огромным изумлением ответила женщина, – слушаю!

– Можно приехать?

– Нет.

– Очень надо.

– Девушка, – вышла из себя Алина, – немедленно объясните, по какому праву тревожите меня в столь поздний час! Ясное дело, я никогда не позволю незнакомой личности войти в свою квартиру! Тем более в такое время. Вы мне, правда, вреда не нанесете, дома муж, отец и два дяди.

Я ринулась в бой:

– Ваши последние слова – неправда. У Алины Волынкиной никого нет.

– Откуда знаете? Сейчас в милицию позвоню, – пригрозила собеседница.

– Я в некотором роде оттуда.

– Откуда?

– Фамилию Федосеева слышали?

– Нет.

– Это следователь, Иван Николаевич, он занимается делом…

– Вспомнила, – сердито перебила Алина. – А вы тут с какого бока?

– Федосеев заболел.

– Совсем не жаль! И при чем здесь я?

– Розалию Майкову вам тоже не жаль…

– Эту стерву?! – перебила собеседница.

– А себя? – закончила я свою мысль и быстро добавила: – Произошла случайность – Майкова убежала из-под стражи. Думаю, вам все же следует побеседовать со мной, я временно замещаю Федосеева. Если учесть обстоятельства дела, ваша

жизнь может находиться в опасности.

– Жду, – коротко ответила Алина.

Волынкина встретила меня при полном параде – в красивом деловом костюме и с безукоризненным макияжем. То ли она недавно вернулась со службы, то ли не поленилась приукрасить себя ради неожиданной гостьи.

– Вы мало похожи на сотрудницу милиции, – констатировала она, окидывая меня взглядом. – А для полностью завершенного облика жены олигарха вам не хватает лишь сумочки от «Диор».

– Она у меня имелась еще утром, – усмехнулась я, – но, увы, погибла в сортире.

Алина прищурилась:

– Покажите удостоверение.

– Его нет. Выслушайте меня, пожалуйста.

– Ладно, начинайте! – холодно согласилась хозяйка.

Я постаралась быстро и внятно изложить цепь событий. Волынкина сначала молчала, но потом заявила:

– Я сразу поняла, сколько стоят ваши серьги.

– Если честно, они завещаны бароном Макмайером моей дочери Маше, – призналась я.

– Все равно в семье, – тихо возразила Алина. – Пошли на кухню.

Устроив непрошеную гостью за столом, Алина приветливо спросила:

– Хотите кофе? Варю очень вкусный, с кардамоном, корицей и какао.

Мне состав напитка не показался привлекательным, но, желая понравиться хозяйке, я быстро откликнулась:

– С огромным удовольствием!

Алина улыбнулась, повернулась ко мне спиной, вынула из шкафчика банку и начала колдовать над джезвой.

– Вам не трудно погасить в коридоре свет? – внезапно попросила она. – Боюсь отойти от кофе, еще убежит…

Я кивнула, выполнила просьбу и вернулась на кухню.

Алина поставила на стол красивые кружки с изображением кошек и неожиданно сказала:

– Сейчас странная мода пошла – разные торговцы узнают телефоны и адреса известных людей, а потом предлагают им свои услуги. Наверное, покупают в компаниях мобильной связи у чиновников мелкой руки, иначе откуда информация? Меня вот уже три месяца мучают.

– Вы звезда шоу-бизнеса?

– Издеваетесь? Телевизор смотрите?

– Очень редко, только детективные сериалы без особой крови.

– Сейчас показывают уже сотую серию фильма «Любовь во дворце», главную роль там играет Волынкина.

– Ой! Извините, не хотела обидеть, – зачастила я, – совсем не презираю сериалы. Просто больше люблю книги!

– Сама терпеть не могу идиотские фильмы, – хмыкнула молодая женщина. – Та Волынкина не я, мы однофамильцы, человек, торгующий телефонами, ошибся. Вы и не представляете, что мне предлагают!

– Бесплатно?

– Что вы! Наоборот, за большие деньги. Почему не пьете кофе? Он остынет.

Я, старательно навесив на лицо выражение восторга, чайной ложечкой зачерпнула малую толику жидкости и отправила в рот.

– Ну как? – осведомилась Алина.

С огромным трудом проглотив гадость, я заулыбалась:

– Великолепно!

– Всем нравится, – кивнула Алина. – Наслаждайтесь!

Я в полнейшей тоске уставилась на здоровенную кружку. Алина, похоже, не в курсе, что кофе подают в крохотных чашечках, мне придется наливаться дрянью!

И тут из прихожей раздалось оглушительное «ба-бах!».

Я подскочила.

– Что это?

Алина молча вышла. Я схватила чашку, вылила содержимое в раковину, осторожно смыла следы от кофе водой и с невинным видом устроилась на прежнем месте.

– Вчера картину повесила в прихожей, – пояснила, возвращаясь, хозяйка, – да, видно, у мастера руки-крюки, упало полотно, рама раскололась. Хотите еще кофейку?

– Нет-нет, – живо отозвалась я, – спасибо.

– Где может быть Розалия? Это ваш основной вопрос? – вернулась к теме беседы Алина.

– На самом деле их много, – быстро добавила я. – В частности, такие: какие отношения были в семье Майковых, любил ли Павел до встречи с женой грейпфрутовый сок, как относилась Розалия к мужу, могла ли она совершить убийство? Вы ведь близко общались с Майковым, дружили с детства. Он никогда не жаловался вам на тяжесть супружеского ярма?

Алина села в полукресло и скрестила ноги.

– Бывало порой, – неожиданно тихо сказала она, – но Майков практически перестал со мной общаться. Розалия постаралась, последний год наши отношения свелись к одному дежурному звонку в месяц. Ладно, начну издалека, а то не поймете.

Я уставилась на Алину, а та принялась изливать душу. Проводя много времени во Франции, я очень хорошо знаю: граждане страны первой революции ни за какие коврижки не станут вываливать на голову собеседника личные проблемы. Потомки д’Артаньяна теперь не размахивают шпагами и не живут по принципу «один за всех и все за одного». Если француз ощутит душевный дискомфорт, он отправится к психоаналитику и, не испытывая ни малейшего стеснения, превратит его в сливной бачок для своих негативных эмоций. Мол, деньги заплачены, теперь слушайте. Но россиянин отчего-то стыдится обращаться к специалисту, который много лет учился для того, чтобы стать полезным людям. Даже отдав нескромную сумму за прием, мы мнемся и до конца не перетряхиваем, не освобождаем свои чердаки и кладовые, забитые бедами. Наш человек становится откровенным лишь в присутствии незнакомцев: попутчика в вагоне поезда или соседки по больничной койке. Вот парадокс – женщины, живущие много лет на одной лестничной клетке, будут ограничиваться равнодушным: «Здравствуйте, как дела?» Но, сев в поезд, моментально сообщат о себе всю подноготную незнакомой тетке, сидящей на противоположной полке. Уже не знаю, сработал ли этот принцип, но Волынкина сейчас была предельно откровенна.

…Зинаида и Нелли дружили с детских лет, их родители жили в одной коммунальной квартире. Девочки ходили вместе в школу, почти одновременно вышли замуж, родили детей. У Зиночки появилась Алина, а у Нелли Павлик. И вновь история повторилась – теперь уже их дети росли почти неразлучно, они

считали друг друга родственниками, двоюродными братом и сестрой, никогда не ссорились и ничего не делили.

Когда Алине исполнилось шестнадцать лет, в ее жизни появился первый кавалер. Будучи домашней, хорошо воспитанной девочкой, школьница привела юношу домой, познакомила с мамой.

Зина встретила паренька без агрессии, мило напоила чаем, но, когда ухажер ушел, заявила:

– Симпатичный мальчик, только он не идет ни в какое сравнение с Павликом.

Алина согласно кивнула и прибавила:

– Такого, как Павел, не найти.

– А зачем искать, – хитро продолжала Зина, – протяни руку и бери.

Дочь растерялась:

– Не понимаю.

Мама вытерла руки фартуком.

– Ничего хитрого, мы с Нелли много лет о вашей свадьбе мечтаем.

Вот тут Алина окончательно изумилась:

– Мамочка, мы же близкие родственники.

– Кто? – распахнула глаза Зина.

– Ну… я и Павлик.

– С какого бока?

– Не знаю, – растерялась школьница, – вроде двоюродные брат с сестрой.

Зина засмеялась:

– Нет. Мы с Нелли никогда не были сестрами.

– Но как же… – заволновалась Алина, – в альбоме полно фотографий ваших, общих, совсем младенческих…

Зинаида покачала головой:

– Хороша! Как звали твоих деда и бабку? С материнской стороны.

– Я их никогда не видела.

– Но имена от меня слышала!

– Петр и Анастасия.

– А имена родичей Павла назовешь?

Алина кивнула:

– Семен и Елена.

– Ну и с какой поры мы одна кровь?

– Но, мамочка, – закричала Алина, – вы же на каждом празднике друг за друга тосты поднимаете и говорите: «За здоровье любимой сестренки»!

– Верно, – согласилась Зинаида, – именно таковыми себя и считаем, но общей генетики нет. Вам с Павликом можно пожениться.

– Обалдеть… – только и сумела ответить Алина.

Зина позвонила Нелли, та побеседовала с Павлом, но никакого романа у «кузенов» не состоялось, и подруги поняли, что совершили огромный просчет. Они воспитывали детей в тесной близости, внушая им мысль о родстве, и вот теперь девочка с мальчиком не способны к брачным отношениям, оба считают их инцестом.

Как ни старались матери, ничего не вышло: Алина и Павлик держались вместе, сообща решали возникающие проблемы, помогали друг другу, но имели интимные отношения на стороне. В конце концов Зине с Нелли пришлось смириться и похоронить мечту стать родней в прямом смысле этого слова. Алина замуж не спешила, она закончила институт, пошла в аспирантуру. Муж и дети могли помешать амбициозной девушке, поэтому она предпочитала легкие, ни к чему не обязывающие отношения. Павел вел себя так же, но потом в его жизни появилась Розалия.

Известие о свадьбе упало на голову Алины, словно снег в жарком июле. Курьер доставил девушке красивое приглашение. Думая, что кто-то из бесчисленных знакомых зовет ее на день рождения, Алина вскрыла конверт и уставилась на слишком шикарную открытку, украшенную изображением двух тучных ангелочков. Волынкиной пришлось три раза перечитать текст, чтобы понять его смысл: «Павел и Розалия Майковы приглашают вас на ужин, посвященный бракосочетанию».

Алина кинулась к телефону и, услышав голос названого брата, заорала:

– Ты женишься!

– Да, – осторожно подтвердил Павел.

– Почему я ничего не знаю?!

Майков начал лепетать нечто невразумительное, а потом воскликнул:

– Давай вечером поболтаем, совещание начинается.

Алина помчалась к Нелли Семеновне.

– Деточка, – чуть не заплакала женщина, – я сама не в курсе. Пришел, привел жуткую особу и объявил: «Мама, знакомься. Розалия, поцелуй свекровь». Все тайком, тишком проделали, отстранили от забот, даже меню не я составляла, свадьба уже в субботу.

В оставшиеся до торжественного момента дни Алина тщетно пыталась поговорить с Павлом, но мужчина упорно увиливал от разговора. Новобрачную Волынкина увидела лишь на банкете. Алина ожидала встретить роскошную блондинку, тупую куклу Барби, силиконовую красотку, от которой у Павла помутилась голова. Вернее, не голова, она-то как раз тут ни при чем, у Павлика пришли в ажиотаж совсем иные части тела.

Представьте теперь разочарование Алины, когда под аркой, свитой из пошлых искусственных роз, она обнаружила тощую девицу, похожую на стиральную доску. В какой очереди стояла до рождения Розалия, когда добрый Господь раздавал будущим женщинам красоту, привлекательность и обаяние? Может, она толкалась за умом?

Но не успела Алина додумать мысль, как Розалия кокетливо протянула:

– Котик, не стой дурачком. Познакомь нас.

Алину передернуло. Называть Павла «котиком» и «дурачком» при посторонних – проявление крайней невоспитанности. Похоже, Павел заболел вялотекущим менингитом, иначе как объяснить столь поразительный выбор жены? У Майкова имелись ранее вполне достойные любовницы, допустим Вера Райх.

Пожав влажную, похожую на дохлую рыбу ладошку новобрачной, Алина отошла в сторонку. Окружающие люди великолепно знали о тесной дружбе между Павлом и Волынкиной, кое-кто искренно считал мужчину и женщину близкими родственниками, поэтому сейчас к последней пошли с поздравлениями.

– Спасибо, – кивала Алина, – рада вас видеть! Конечно, счастлива. Да, Павлу пора иметь семью. Очень, очень приятно! Подарки кладите на стол, букеты в вазы…

– Ну и уродина! – вдруг рявкнули сзади.

Алина нервно обернулась, злая Вера Райх сдвинула брови:

– Хорошую замену он мне нашел!

– Милая девушка, – стараясь сохранить радостный вид, ответила Алина.

– Можешь не стараться, – хмыкнула Вера. – Ужас, да?

– Ага, – призналась Алина.

– Чем она его взяла? Явно не внешностью, – кипела Вера.

Алина была очень расстроена и отчаянно устала, изображая перед толпой радость. На секунду она перестала владеть собой и ляпнула:

– У Павла никак бизнес не развернется – наверное, Розалия богата.

Райх захихикала:

– Не. Платьишко напрокат взято, туфли и фата тоже, все в комплекте идет. Даже агентство назову, в котором невеста прибарахлилась.

– Откуда знаешь? – удивилась Алина.

Вера усмехнулась:

– Ленка Ковригина в этом уборе венчалась. Ты ведь в церкви была, не узнаешь шмотки? Глянь, на подоле цепь мелких дырочек – Ковригина слегка повредила каблучками.

– Точно! – взвизгнула появившаяся как из-под земли Лена. – Только я не выдрючивалась, пальцы не распускала, честно сказала: «Нет у нас с Юркой бабок – для таких, как мы, прокат и придуман». Юрка с Павлом вместе работают: думаю, он ему адресок и подсказал. А эта Розалия, дура, всем говорит: «Ах, ах, ах, мой наряд делал сам Юдашкин». Ха! Она слегка перепутала!

– И вообще… – продолжила беседу Вера, – угощенье ерундовое, шампанское российское, остальная выпивка тоже не ахти. Можете поверить, я в бутылках хорошо разбираюсь!

– У Павла в самом деле с деньгами напряг, – стала оправдывать лучшего друга Алина, – он пытается бизнес поднять.

– Чего тогда кучу гостей позвал? – фыркнула Вера.

– Не знаю, – призналась Алина, – может, родители невесты настояли? Бывают такие люди, им необходимо на свадьбе армию накормить. Глупость дикая, лучше на море съездить или в Париж, остались бы хоть воспоминания.

– Где ты тут видишь родственников невесты? – перебила Райх. – Хоть одного покажи!

Алина завертела головой. Перед глазами мелькали знакомые лица – коллеги Павла, общие знакомые, подруги Нелли Семеновны…

– Вот так фишка! – покачала головой Волынкина. – Ни одного чужого.

– Невестушка у нас, похоже, совсем одинокая, – хмыкнула Лена, – ни одной завалященькой подружки.

– Букетик некому бросить.

– Ой, кстати, глянь на него! Страхолюдские цветочки.

– У метро веник купили!

– За сто рублей.

– Ха-ха…

– Ха-ха-ха…

Оставив Веру и Лену точить языки, Алина нашла Нелли Семеновну и осторожно тронула ее за плечо.

– Я так счастлива! – слишком весело и бодро заговорила новоиспеченная свекровь. – Мечтаю о внуках. Ах, это ты…

Улыбка сползла с губ Нелли, когда женщина увидела Алину.

– Ну и стол! – сердито воскликнула она. – Праздничный ужин образца семьдесят девятого года. Позор! Мне Павел не дал ничего организовать. Сам за дело взялся и сделал жуть!

– Вы уже познакомились с родителями Розалии? – осторожно спросила Алина.

– Тут какая-то ее родственница ходит, но мне ее не представили.

– Где?

– Вон.

– Не вижу.

– У окна стоит, в жутком платье из занавески, – буркнула Нелли и, увидев очередного поздравляющего, принялась изображать бьющее через край счастье.

Алина окинула взглядом тетку в бордовом одеянии и с крутой «химией» на голове. В душу змеей вползла тревога. Ни Розалия, ни ее родственница категорически не походили на людей, с которыми Павел мог свести знакомство. Что заставило Майкова столь спешно жениться на Розалии?

Глава 9

– Может, невеста была беременной? – предположила я.

– А где младенец? – скривилась Алина. – Он так и не появился на свет.

– Некоторые женщины обманывают мужчин, показывают положительный тест на беременность, а затем врут о выкидыше.

Алина встала, взяла с подоконника сумку, вытащила сигареты и с наслаждением закурила.

– Павел не из таких. Он бы нашел врача, оплатил аборт. Зачем ему жениться?

– Ну… она отказалась от операции… и он, как честный человек…

– Бред, – отмахнулась Алина, – на эмбриона Павла не купить. В чем же было дело? Все гадали, и никто не понял.

– Любовь?

– Ой, нет! Хотя вел он себя как страстный любовник, – пояснила Алина. – Внешне семья смотрелась замечательно – муж одевал жену, обувал, улыбался ей, звал «кисонькой». Кстати, Розалия меня терпеть не могла, наверное, ревновала, вот и сделала так, что мы практически не могли встречаться. Но я Павла отлично знала и могу сказать: Роза его раздражала. Впрочем, думается, знаю, отчего именно Розалия стала мадам Майковой. Понимаете, Павел был человеком с огромным самомнением. Увы, гордиться ему было особо нечем, обычный мужчина.

– Успешный бизнесмен!

Алина кивнула:

– Верно, но в список самых богатых людей планеты не входил. Со мной Павлу было не построить семью – я образованна, востребована на работе, твердо стою на ногах. Такой женой не покомандуешь. А Розалия казалась тихой, ничего не умеющей – этакой девушкой без роду и племени. Вот на фоне подобной личности Майков мог возвыситься. В царстве слепых кривой – король. Павел хотел обожания, поклонения, тапочек, принесенных в зубах. Он лишь не учел одной детальки: угнетенные рабы способны восстать, и нет ничего страшней и

безжалостней бунта крепостных, решивших убить барина. И еще, получив в жены курицу, Павел начал испытывать раздражение. Оно конечно, два медведя в одной берлоге не живут, но и существовать около наседки Топтыгин не сумеет. Увы, слишком поздно выяснилось: Розалия не клуша, она злобная, трусливая, жадная гиена, ловкая врунья и убийца. Но у нее не получилось закопать правду. Конечно, доказательств у меня нет, зато есть уверенность: это она его отравила, и я знаю почему.

– Почему?

– За день до кончины я разговаривала с Павлом. Кроме моральных причин, у Розы имелись и материальные, – тихо сказала Алина.

Друг детства и названый брат жаловался на головокружения. Подруга посоветовала ему сходить в поликлинику, сдать анализы, но Майков ответил:

– Позднее. Да и не найдут ничего, скажут: здоров, словно конь. Это просто усталость накопилась, надо съездить отдохнуть. Если честно, больше не могу.

– Наплюй на дела и скатайся на море, – предложила Алина.

– Не от службы тошно.

– Дома беда?

– Ерунда, – тут же закрыл тему Павел. И вдруг спросил: – В понедельник нотариусы ведь не работают?

– Вроде так.

– Значит, во вторник пойду.

– Зачем?

Но вместо ответа на вопрос из трубки послышалось:

– Входи, входи, Сергей Иванович! Все, Алина, пока, ко мне люди пришли.

Больше Алина с Павлом не беседовала.

– Понятно, зачем он к нотариусу собрался? – задала она мне сейчас вопрос. – Завещание переделать хотел, но Розалия опередила. Сволочь! Она и Нелли Семеновну прикончила, и кровь мамы на ее жадных лапах! Ее надо найти! Наказать! Расстрелять!

– Вы знаете друзей Розалии?

– У нее их нет.

– Совсем?

– Я не видела ни одной подруги.

– Может, имена родственников назовете?

– Я их тоже не встречала.

– Хорошо, – протянула я, – тогда мама.

– Я с ней не сталкивалась.

– Но вы видели даму на свадьбе.

– Даму… Скажете тоже!

– Нет ли случайно ее телефона?

– Откуда?

Я пригорюнилась, но потом вновь взбодрилась.

– Алина, у вас есть ключи от апартаментов Майковых?

– Да, – кивнула женщина, – висят в шкафчике. Нелли их нам на всякий пожарный случай вручила.

– Дайте мне связку.

– И по какой причине? – насупилась Алина.

– Откроем дверь и поищем.

– Что?

– Ну… авось найдем нечто, подсказывающее, куда могла отправиться Розалия.

На лице Алины отразилось раздумье.

– Поздно уже, мне завтра рано на работу, – заявила она наконец.

– Отвезу вас на машине туда и обратно, здесь ведь совсем близко! – принялась я упрашивать Волынкину. – Вы же только что утверждали: Розалию необходимо поймать. Но как это сделать, не имея никаких сведений о бабе?

– Поехали, – согласилась Алина.

Очутившись перед опечатанной створкой, Волынкина безо всяких колебаний содрала бумажку.

– Смехота, – резюмировала она, всовывая ключ в скважину, – неужели грабителя остановит полоска с чернильной кляксой?

Я вошла в квартиру и вздрогнула. Те, кто не первый раз встречается со мной, знают: Даша Васильева не религиозный человек. Я не соблюдаю посты, не произношу ежедневные молитвы, о Боге вспоминаю лишь в минуты опасности, допустим, в ту секунду, когда самолет, на борту которого нахожусь, вдруг проваливается в воздушную яму или попадает в зону турбулентности. Вот тут

закрываю глаза, стискиваю зубы и начинаю читать про себя «Отче наш». А еще я не верю во всякие там эфирные и ментальные тела, не ощущаю чужую ауру и усмехаюсь, услышав слова «порча», «карма», «сглаз». Но, переступив сейчас через порог квартиры Майковых, я испытала безотчетный страх. В длинном коридоре, казалось, пряталось нечто загадочное, холодное, колючее, опасное.

Алина щелкнула выключателем.

– Кому достается приватизированная квартира, если хозяин умер? – вдруг спросила она.

– Наследникам, – тихо ответила я, – в данном случае Розалии.

– А дача?

– Тоже ей, если только не составлено завещание в чью-то пользу. Впрочем, я не являюсь специалистом, могу ошибаться.

Алина скривилась:

– Да уж, ясненько! Пошли пороемся в ее спальне.

Комната, где обитала Розалия, напоминала гостиничный номер. Нет, тут висели картины и стояли симпатичные безделушки, но сразу становилось понятно: интерьер обустраивал специально нанятый дизайнер, хозяйка не внесла ничего личного.

Обычной телефонной книжки мы не нашли, компьютера у женщины не имелось.

Испытывая некоторую неловкость, я порылась в ящиках изящного бюро и обнаружила в них лекарства, деньги и всякую мелочь вроде заколок. В ванной комнате теснились шеренги флаконов, бутылочек и коробочек. Одних шампуней я насчитала с десяток, и все для светлых, тонких окрашенных волос.

– Тут еще гардеробная имеется, – сказала Алина, увидев мое разочарование.

Я засунула голову и присвистнула:

– Ничего себе, метров двадцать квадратных, набитых шмотками!

Алина усмехнулась:

– Розалия скопидомка, нитку не выбросит, Нелли страшно раздражала жадность невестки.

Я пошла между кронштейнами, подумав: а ведь обычно свекрови упрекают снох в расточительности. Каноническая фраза: «Ты без конца тратишь деньги моего сына, и он весь измучился на работе, желая обеспечить капризы жены» – лично мною была слышана от всех четырех «мамулечек». Но, видно, близким родственникам мужа угодить невозможно: Нелли Семеновну, наоборот, раздражала экономность Розалии. Хотя если взглянуть на скупость с иной стороны, то ее можно назвать хозяйственностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее об этой истории читайте в книге Д. Донцовой «Ромео с большой дороги». Издательство «Эксмо».

2

Препарат придуман автором. Но в продаже имеются всякие средства, якобы отбивающие тягу к алкоголю. Прим. автора

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/lyagushka-baskerviley

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити